

© 2008 г. П. М. АРКАДЬЕВ

СТРУКТУРА СОБЫТИЯ И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ИНТЕРФЕЙС. ОБЗОР НОВЕЙШИХ РАБОТ

Обзор посвящен проблематике структуры события и ее отображения в морфосинтаксисе естественного языка. Идея в том, что ситуации представлены в языке в виде иерархически организованных структур, объединяющих информацию о каузальных, аспектуальных и ролевых характеристиках, находится в центре многих современных лингвистических теорий. В обзоре с особой подробностью рассматриваются два сборника, вышедшие в 2004 и 2005 гг. в издательстве Oxford University Press и посвященные таким вопросам, как репрезентация структуры события в синтаксисе и морфологии, соотношение синтаксических и семантических классов глаголов, влияние аспектуальных категорий на синтаксическую структуру, усвоение структуры ситуации и т.д.

1

Одна из наиболее важных проблем теоретической лингвистики, которой в последние десятилетия уделяется очень много внимания, – соотношение семантики и морфосинтаксиса¹. Тезису о модулярном устройстве естественного языка и «автономности» синтаксиса, который лежит в основе порождающей грамматики Н. Хомского и который с теми или иными оговорками принимает значительное число исследователей, придерживающихся самых разных концепций, нисколько не противоречит представление о том, что «как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим представлением» [Кибрик 1992: 21]. Более того, второе во многом следует из первого, можно даже сказать, навязывается им: тезис об автономности требует, чтобы собственно синтаксические операции не обращались к значению, следовательно, синтаксические структуры, над которыми осуществляются эти операции, должны тем или иным образом отражать определенные характеристики семантики.

Естественно, «соотношение семантики и морфосинтаксиса» – необъятная тема, покрывающая, пожалуй, почти все основные направления современного теоретического языкознания. Данный обзор ставит своей целью познакомить российского читателя лишь с одним аспектом этой проблематики, который, однако, является центральным. Каким образом соотносится семантика ситуации, обозначаемой глаголом, его аспектуальные свойства, семантические роли его аргументов, с одной стороны, и синтаксические структуры, в которых он может выступать, с другой? В какой мере синтаксическая структура отражает структуру события, в частности, в терминах последних версий порождающей грамматики, существуют ли особые «функциональные» вершины дерева составляющих, непосредственно отвечающие за те или иные аспекты интерпретации? Какие семантические и формальные факторы релевантны для приписывания аргументам глагола тех или иных семантических ролей или синтаксических позиций и для употребления глагола в каких-либо специфических конструкциях? Эти

¹ Автор благодарит С.Г. Татевосова и двух рецензентов за ценные замечания к первоначальным вариантам текста.

вопросы лежат в самом «сердце» современной теории языка, поскольку они затрагивают наиболее базовые явления и понятия, относящиеся как к области грамматики, так и к ведению словаря (лексикона), «разграничение полномочий» между которыми проводится по-разному разными исследователями.

Проблема «структуры события» и «семантико-синтаксического интерфейса» активно разрабатывалась как зарубежными (хороший обзор зарубежных исследований см. в недавно вышедшей монографии [Levin, Rappaport Hovav 2005], специально посвященной этой проблематике, ср. также [Лютикова и др. 2006: 15–103]), так и отечественными лингвистами. Отмечу, что, никогда не выступая в Московской семантической школе и близким к ней течениям под таким ярлыком, данная тема получила в ней весьма существенное развитие, в первую очередь на материале русского языка (отмечу в первую очередь работы [Апресян 1967; 1995; 2006; Падучева 1974; 1996; 2004а; 2004б; Кустова 2004; Розина 1995; Булыгина, Шмелев 1997: Ч. I]). Важный вклад внесли в изучение этой проблематики и российские типологи, см. такие работы, как [Холодович (ред.) 1969; 1974; Мельчук, Холодович 1970; Кибрик 2003 (в особенности гл. 10); Татевосов 2005а; Лютикова и др. 2006].

В зарубежной лингвистике, в первую очередь в рамках порождающей грамматики и других «формальных» направлений, данная тема получила широкое освещение сначала под влиянием теории семантических ролей («глубинных падежей») Ч. Филлмора [Филлмор 1981/1968; 1981/1977] и так называемой «порождающей семантики» [Lakoff 1968; McCawley 1971; Ross 1972], а затем при появлении монографии [Dowty 1979] и ряда других работ, эксплицитно объединяющих такие прежде, как правило, не рассматривавшиеся вместе понятия, как аспект, семантические роли и каузация (см., в частности [Gruber 1976; Jackendoff 1976; 1983; 1990; 1996; Hopper, Thompson 1980; Tsunoda 1981; Foley, Van Valin 1984; Van Valin 1990; 2005; Van Valin, La Polla 1997; Dowty 1991; Ackema, Moore 2001]).

Интерес к соотношению семантики и синтаксиса у последователей Н. Хомского в первую очередь был вызван глобальной перестройкой его теории, произошедшей на рубеже 1970–1980-х гг. (см. [Тестелец 2001: гл. XI, XII; Кибрик и др. (ред.) 2002: гл. 1–2]): сведение всего множества трансформаций «Стандартной теории» [Хомский 1972/1965] к обобщенной трансформации передвижения переложило бремя описательной и объяснительной адекватности «Теории управления и связывания» [Chomsky 1981] на ограничения, накладываемые на глубинные и поверхностные структуры и на соотношение между ними. Среди этих ограничений большую роль играют Принцип проекции (Projection Principle), требующий, среди прочего, выражения в синтаксисе аргументов глагола, и Тета-критерий (Theta-Criterion), отвечающий за приписывание аргументам семантических ролей. Открытие явления неаккузативности (см. ниже) привело к тому, что для правильного построения синтаксической структуры стало необходимо учитывать лексико-семантическую информацию. Существует несколько существенно различных подходов к отображению структуры события в синтаксисе (ср. статьи и монографии [Grimshaw 1990; Croft 1991; 1998; Pustejovsky 1991; Tenny 1994; Levin, Rappaport Hovav 1995; 1998; 2000; Hale, Keyser 1993; 2002²; Borer 1994; 1998; 2005; Kratzer 1996; Rothstein 2004], сборники [Butt, Geuder (eds.) 1998; Rothstein (ed.) 1998; Tenny, Pustejovsky (eds.) 2000³; Verkuyl et al. (eds.) 2005]).

Все многообразие концепций, представленных в современной порождающей грамматике (и, шире, во всей совокупности теорий грамматики) можно, несколько огрубляя, свести к двум основным подходам. Первый подход, нашедший наиболее четкое воплощение в работах Б. Левин и М. Раппапорт Ховав (см. [Levin, Rappaport Hovav 1995; 1998; 2000], ср. также упомянутые работы Р. Ван Валина, Р. Джэкендофа, У. Крофта, равно как и работы Московской семантической школы и исследования

² См. рецензию [Минов 2005].

³ См. рецензию [Татевосов 2005б].

Е.В. Падучевой) можно условно назвать проекционистским (projectionist) или лексемоцентрическим; он исходит из четкого «разделения труда» между словарем («лексиконом») и синтаксисом. В лексиконе хранятся глагольные лексемы, снабженные всеми релевантными семантическими признаками (которые могут быть весьма сложными); эти семантические признаки при помощи универсальных принципов отображения (linking) между лексической семантикой и синтаксической структурой предопределяют синтаксические конфигурации, в которых может выступать глагол, в частности, грамматические функции его аргументов. В том случае, когда глагол способен сочетаться с разными синтаксическими конструкциями, в большинстве проекционистских моделей у него постулируется несколько разных значений, связанных между собой регулярными семантическими переходами. Тем самым, проекционистский подход исходит из центральной роли лексической информации, на основании которой «проецируется» синтаксическая структура.

Из противоположных предпосылок исходит так называемый конструкционистский (constructionist) подход, представленный в уже упомянутых работах Х. Бопер (см. также [Kratzer 1996; van Hout 1998; Ramchand 2003]; отчасти сюда примыкает и «Грамматика конструкций» А. Гольдберг [Goldberg 1995; 2006])⁴. Его сторонники полагают, что лексикон содержит лишь минимальную информацию, необходимую для грамматически и семантически правильного употребления глаголов, приписывание же им аргументной структуры и более богатой семантики происходит на уровне синтаксиса. Те или иные синтаксические конфигурации большей или меньшей степени абстрактности, по мнению конструкционистов, связаны со вполне определенными значениями (так, наличие прямого дополнения обычно связано с предельностью, наличие «функциональной вершины» *v*, надстроенной над «лексической» глагольной группой VP – с агентивностью и т.п.), которые сочетаются между собой и со значением глагола по универсальным композиционным правилам. Любой глагол, в принципе, может выступать в любой синтаксической конфигурации, модифицируя, тем самым, свое значение; ограничения на такого рода сочетаемость, которые неизбежно приходится постулировать, могут быть связаны как с особенностями морфосинтаксиса конкретных языков, так и с более общими семантическими запретами.

В данном обзоре я подробно останавливаюсь на двух сборниках:

1. The unaccusativity puzzle. Explorations of the syntax-lexicon interface / Ed. by A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (Oxford studies in theoretical linguistics, 5). Oxford: Oxford University Press, 2004. – x + 372 p. ISBN 0-19-925764-7 (см. раздел II);

2. The syntax of aspect. Deriving thematic and aspectual interpretation / Ed. by N. Erteschik-Shir, T. Rapoport (Oxford studies in theoretical linguistics, 10). Oxford: Oxford University Press, 2005. – xx + 309 p. ISBN 0-19-928043-6 (см. раздел III).

Оба они, несмотря на то, что на первый взгляд кажутся посвященными весьма узким и далеким друг от друга вопросам, на самом деле затрагивают во многом сходный круг явлений и проблем, лежащих в самом центре интересующей нас темы, и потому их совместное рассмотрение представляется полезным и уместным.

II

Сборник «Загадка неаккузативности. Исследования интерфейса между синтаксисом и лексиконом» посвящен одной из центральных для рассматриваемой проблематики тем – вопросу о разграничении так называемых «н е а к к у з а т и в н ы х» (unaccusative) и «н е э р г а т и в н ы х» (unergative) глаголов. Кратко рассмотрим содержание и историю вопроса.

⁴ Отмечу, что «пионером» данной идеологии, по-видимому, был Ю.Д. Апресян (см. его монографию 1967 г.), позже отказавшийся от нее в пользу проекционистского лексемоцентрического подхода.

Данное разграничение было впервые предложено в работе [Perlmutter 1978]⁵, где было сделано наблюдение, что непереходные глаголы нидерландского языка делятся на два класса в зависимости от того, способны они выступать в безличной пассивной конструкции или нет (ср. *Er wordt hier veel gewerkt* 'Здесь много работают', букв. «работается» vs. **Er wordt door het concert een hele tijd geduurd* 'Концерт продлился много времени'). Д. Перлмуттер предположил, что способность образовывать безличный пассив связана с тем, что у одних непереходных глаголов (неэргативных) единственный ядерный актант на глубинном уровне является подлежащим, а у других (неаккузативных) – прямым дополнением; операция же пассивизации применима лишь к глубинному подлежащему. Перлмуттер также обратил внимание на то, что выделяемые по этому принципу неэргативные глаголы, как правило, имеют агентивного участника, а неаккузативные глаголы – пациентивного. Тем самым, сформулированная Перлмуттером гипотеза неаккузативности (Unaccusative Hypothesis) состоит из двух частей: (1) синтаксическая: непереходные глаголы делятся на два класса: на глубинном уровне актант неэргативных глаголов является подлежащим, а актант неаккузативных глаголов – прямым дополнением; (2) семантическая: принадлежность того или иного глагола к неаккузативному или неэргативному классу однозначно определяется семантикой (в частности, семантической ролью актанта)⁶. В более лаконичной формулировке Б. Левин и М. Раппапорт Ховав [Levin, Rapoport Hovav 1995: 4], данное «противопоставление выражается синтаксически, но предопределяется семантически». Проверка данной гипотезы и ее уточнение, фактически, стало одним из важнейших стимулов для исследований в области семантико-синтаксического интерфейса.

За статьей Перлмуттера последовал целый ряд работ, исследующих данную проблематику в различных языках (ср. статьи [Williamson 1979] о неаккузативности в языке лакота, [Özkaragöz 1980] – в турецком, [Horn 1980] – в английском, обобщающие типологические работы [Rosen 1984; Grimshaw 1987]). Данные исследования были вскоре «подхвачены» за пределами Реляционной грамматики, в рамках которой была сформулирована гипотеза неаккузативности, ср. диссертацию [Pesetsky 1982] и монографию [Burzio 1986], рассматривающие проблему неаккузативности, соответственно, в русском и итальянском языках, с точки зрения Теории управления и связывания. Порождающая грамматика описывает противопоставление неэргативных и неаккузативных глаголов не в терминах грамматических функций («подлежащее», «прямое дополнение»), а при помощи различных синтаксических структур: неэргативные глаголы ассоциированы с «внешним» аргументом, порождаемым, например, в позиции спецификатора функциональной вершины *v* (тем самым, неэргативная синтаксическая структура выглядит так: [_{VP} NP *v* [_{VP} V]])⁷, а неаккузативные имеют лишь «внутренний» аргумент, порождаемый внутри глагольной группы (одна из возможных репрезентаций неаккузативной синтаксической структуры такова: [_{VP} V NP]). Тот факт,

⁵ Интересно, что из всех работ, написанных в рамках реляционной грамматики (Relational grammar) – популярного на рубеже 1970–1980-х гг. направления формального синтаксиса, альтернативного по отношению к порождающей грамматике Н. Хомского, но к началу 1990-х гг. практически исчезнувшего, – лишь данная работа оказала решающее влияние на развитие синтаксической теории в целом, до сих пор оставаясь одной из наиболее часто цитируемых статей по лингвистике. Тем не менее, по иронии судьбы, именно эта работа не была переведена в свое время на русский язык в числе других статей по реляционной грамматике, вошедших в сборник [Кибрик (ред.) 1982].

⁶ Отмечу, что неприятие многими российскими лингвистами данного разграничения и проблематики неаккузативности в целом, которое некоторые из них высказывали и автору данного обзора, по моему мнению, во многом связано с тем, что, не принимая синтаксической части гипотезы неаккузативности, они нередко упускают из виду семантическую.

⁷ Здесь я использую синтаксические представления, принятые в более поздних версиях порождающей грамматики [Chomsky 1995].

что на поверхностно-синтаксическом уровне актанты неэргативных и неаккузативных глаголов (по крайней мере в европейских языках) занимают одну и ту же синтаксическую позицию (спецификатор IP) и имеют один и тот же (абстрактный) падеж – номинатив, объясняется следующим образом. Глагол, не способный «лицензировать» внешний аргумент, не может приписать своему внутреннему аргументу падеж (аккузатив); для того, чтобы получить структурный падеж, актант должен подняться в позицию спецификатора *v*, где ему приписывается падеж. Данное формальное описание, впервые предложенное в работе [Burzio 1986], называется **о б о б щ е н и е м Б у р д з и о** (Burzio's generalization).

Исследования в области неаккузативности выявили значительное число конструкций, чувствительных к данному противопоставлению, – так называемых **д и а г н о с т и к** неаккузативности. Так, в некоторых романских и германских языках неэргативные глаголы выбирают в перфекте вспомогательный глагол «иметь», а неаккузативные – «быть», ср. следующие французские примеры: *Marie est arrivée en retard* 'Мари приехала с опозданием' (неаккузативный глагол) vs. *Marie a rougi de honte* 'Мари покраснела от стыда' (неэргативный глагол). В английском и в целом ряде других языков лишь переходные и неаккузативные глаголы способны выступать в так называемых результативных конструкциях, ср. *She licked the peanut butter clean* 'Она дочиста вылизала арахисовое масло' (переходный), *The river froze solid* 'Река замерзла так, что покрылась льдом' (неаккузативный), **Dona shouted hoarse* 'Дона докричалась до хрипоты'⁸. В ряде языков (например, в японском, см. [Сибатани 1999]) неаккузативные и неэргативные глаголы по-разному образуют формы каузатива; в английском языке, как правило, только неаккузативные глаголы могут участвовать в так называемой каузативной альтернативе, ср. *The door broke* 'Дверь сломалась' – *John broke the door* 'Джон сломал дверь' (неаккузативный) vs. *The child played* 'Ребенок играл' (неэргативный) – **John played the child*. Наконец, есть языки, в которых противопоставление неэргативных и неаккузативных глаголов непосредственно отражается на морфологическом оформлении актантов, – это так называемые «активные» языки (грузинский [Nagis 1981], уже упомянутый лакота, чокто [Davies 1985], ачехский [Dugic 1987] и др.)⁹.

Разыскания в области неаккузативности вскоре показали, что исходная гипотеза Перлмуттера нуждается в ряде уточнений. Во-первых, были обнаружены так называемые **н е с о о т в е т с т в и я н е а к к у з а т и в н о с т и** (unaccusativity mismatches): схожие диагностики в разных языках выделяют разные классы глаголов (так, классы глаголов, сочетающихся со вспомогательными глаголами «быть» и «иметь», отличаются даже в близкородственных немецком и нидерландском, см. ниже), более того, разные диагностики выделяют разные классы глаголов в пределах одного языка (таковы, например, безличная пассивизация и выбор вспомогательного глагола в нидерландском языке, см. [Zaenen 1993]). Наконец, один и тот же глагол в данном языке может оказаться в одном употреблении неаккузативным, а в другом – неэргативным, ср. следующие нидерландские примеры: *Hij heeft gelopen* 'Он шёл' (неэргативный) vs. *Hij is naar huis gelopen* 'Он пришёл домой' (неаккузативный). Данные факты указывают на то, что, во-первых, не любая конструкция, выделяющая два класса непереходных глаголов, непременно является диагностикой неаккузативности, и встает вопрос о том, как отличить «настоящие» диагностики от «мнимых»; во-вторых, признак неаккузативности (resp. неэргативности) не во всех случаях является лексически фиксированным – глагол может получать его в зависимости от контекста; в-третьих, как диа-

⁸ Неэргативные глаголы могут выступать в результативной конструкции лишь при наличии прямого дополнения, не входящего, строго говоря, в модель управления исходного глагола, ср. *Mary shouted herself hoarse* 'Мэри докричалась до хрипоты', *She cried the handkerchief wet* 'Она заплакала платок до того, что он намок'.

⁹ Надо сказать, что языкам этого типа в работах по неаккузативности уделяется недостаточно внимания; их материал по преимуществу анализируется в исследованиях типологов-функционалистов, см. например [Merlan 1985; Mithun 1991; Donohue, Wichman (eds.) 2008].

гностики неаккузативности, так и сами классы неаккузативных и неэргативных глаголов подвержены типологическому варьированию; наконец, семантические основания данного противопоставления не сводятся к разграничению агенса и пациенса, но более сложны и также неодинаковы в разных языках. Последнее время (см. уже упомянутые работы и ниже) ученые сходятся в том, что неаккузативная и неэргативная синтаксические структуры связаны с разными типами структуры ситуации, в частности, с аспектуально значимыми параметрами.

Сборник «Загадка неаккузативности» содержит в общей сложности двенадцать статей, предваренных написанным редакторами Введением¹⁰ (с. 1–21), содержащим краткий, но обстоятельный обзор проблематики неаккузативности (включая историю вопроса и характеристику основных подходов, который был конспективно изложен выше) и резюме статей сборника.

В сборнике представлены статьи, отстаивающие как проекционистский (Дж. Кьеркья, Т. Рейнхарт и Т. Силони, М. Штейнбах, Дж. Рэндал с соавторами), так и конструкционистский (А. ван Хаут, Х. Беннис, Д. Эмбик, Х. Борер) подходы. Некоторые статьи отвергают «радикальные» версии каждого из подходов, стремясь найти «золотую середину», которая адекватно отражала бы роль обоих основных компонентов языка – лексикона и синтаксиса – в построении структуры предложения (А. Алексиаду и Е. Анагностопулу, А. Сораچه).

Статья одного из крупнейших специалистов по формальной семантике Дж. Кьеркья (G. Chierchia) «A semantics for unaccusatives and its syntactic consequences» («Семантика неаккузативов и ее синтаксические следствия») была написана в конце 1980-х гг. и с тех пор циркулировала в рукописи; она впервые опубликована в рецензируемом томе. В ней предлагается оригинальный подход к объяснению различных свойств неаккузативных глаголов (преимущественно в итальянском языке), в основе которого лежат не синтаксические понятия (аргументная структура, приписывание падежа и т.п.), а довольно простая теория композиционной семантической интерпретации. Подробно излагать эту теорию здесь невозможно, поэтому остановлюсь лишь на наиболее важных ее положениях и следствиях. Кьеркья постулирует три основных семантических типа языковых единиц: о б ъ е к т ы (entities), с в о й с т в а (properties) и п р о п о з и ц и и (propositions) – и объединяющее их отношение п р е д и к а ц и и (predication), превращающее свойства в пропозиции. По мысли Кьеркья, именно отношение предикации является семантической интерпретацией функциональной вершины I, конституирующей предложение; тем самым, в нормальных случаях глагольная группа (и образующий ее глагол) имеет семантический тип свойств, а подлежащее (внешний аргумент) – тип объектов. Теория, однако, не запрещает глаголам принадлежать к семантическому типу пропозиций, и такие глаголы существуют: например, это английский глагол *seem* ‘казаться’. Такого рода глагольные группы образуют предложения при помощи механизма э к с п л е т и в и з а ц и и (expletivization), вводящего семантически пустой субъект, ср. *It seems that p* ‘кажется, что p’. Кьеркья предлагает рассматривать и неаккузативные глаголы как обозначающие пропозиции, а не свойства; из этого легко выводится основная характеристика этого класса глаголов – отсутствие у них внешнего аргумента (замечу, однако, что, в отличие от глаголов типа англ. *seem*, для которых такой семантический анализ оправдан именно в связи с особенностями их значения, то, что неаккузативные глаголы типа итал. *arrivare* ‘приходить, приезжать’ отличаются от неэргативных глаголов типа итал. *correre* ‘бежать’ именно как пропозиции от свойств, по меньшей мере, не очевидно).

Основным и наиболее интересным положением статьи Кьеркья является анализ большого класса неаккузативных глаголов как образованных последовательным применением двух операций над семантикой и аргументной структурой: к а у з а т и в и -

¹⁰ Данное Введение свободно доступно в сети интернет по адресу <http://www.oup.co.uk/pdf/0-19-925764-7.pdf>.

зации и рефлексивизации (отождествления аргументов; аналогичным образом предлагает трактовать неаккузативы Т. Рейнхарт, см. ниже). Каузативизация здесь трактуется не как операция над уже имеющимся в языке глаголом, а в качестве семантического оператора, встроенного в семантику таких глаголов, как итал. *affondare* 'топить' или *rompere* 'разбивать' (ср. [Dowty 1979]). Рефлексивизация же превращает каузативный глагол в непереходный со следующим обобщенным значением: 'объект имеет или получает такие свойства, что с ним происходит ситуация *p*'. Важно отличать рефлексивизацию от другой семантико-синтаксической операции – п а с с и в и з а ц и и; пассивизация не отождествляет аргументы предиката, но лишь связывает внешний аргумент квантором существования. Тем самым, Кьеркья объясняет, в частности, контраст, наблюдающийся в следующих английских примерах: (i) *The boat was sunk to collect insurance* 'Корабль был потоплен, чтобы получить страховку' vs. (ii) **The boat sank to collect insurance* '*Корабль утонул, чтобы получить страховку.' При пассиве от каузативного глагола агентивный внешний аргумент, даже пониженный в статусе и невыраженный, тем не менее, присутствует в ситуации и может контролировать нулевой субъект целевого оборота. С неаккузативным глаголом в (ii) это уже невозможно: такое предложение означало бы, что корабль целенаправленно сам себя потопил. Аналогичным образом, данная концепция позволяет объяснить и распределение адвербиальных анафорических выражений типа итал. *da sé* 'сам собой': они допустимы с неаккузативными глаголами, ср. *La porta si è aperta da sé* 'Дверь открылась сама собой', поскольку их единственный аргумент в результате рефлексивизации имеет не только семантическую роль темы или претерпевающего, но и каузатора; с пассивами, субъект которых не каузирует ситуацию, такие выражения невозможны, ср. **La porta è stata aperta da sé* '*Дверь была открыта сама собой'¹¹.

Помимо этого, Кьеркья предлагает интересное объяснение различных случаев, когда в итальянском языке используется вспомогательный глагол *essere*, в том числе и безличных конструкций с рефлексивной клитикой *si*. В приложении к своей статье Кьеркья рассматривает сходную теорию, предложенную Т. Рейнхарт, и предлагает модификацию своей исходной концепции в несколько иных терминах.

А. Ван Хаут (A. Van Hout) в статье «Unaccusativity as telicity checking» («Неаккузативность как проверка признака предельности») предлагает анализ неаккузативных глаголов в нидерландском языке в рамках строго конструкционистского подхода. Она постулирует структуру клаузы, в которой над глагольной группой надстроены две функциональные вершины, отвечающие за «согласование» (в том весьма абстрактном понимании этого термина, какое принято в порождающей грамматике) с субъектом (AgrS) и с прямым объектом (AgrO). AgrS присутствует в любом предложении, а AgrO – лишь в таких, в которых имеется прямой объект. Последний должен подняться в спецификатор AgrO из своей базовой позиции внутри VP, чтобы получить падеж и проверить семантический признак предельности, который ассоциируется с прямыми объектами. По мысли ван Хаут, неэргативные глаголы отличаются от неаккузативных именно тем, что у последних, несмотря на то, что они одновалентны, имеется вершина AgrO, и их внутренний аргумент «по пути» в позицию спецификатора AgrS должен пройти и позицию спецификатора AgrO. Ван Хаут весьма убедительно демонстрирует на нидерландском материале, что наличие у двухвалентного глагола прямого объекта, как правило, требует предельного прочтения глагольной группы, а затем показывает, что нидерландские неаккузативные глаголы также предельны. Несмотря на то, что сам по себе такой анализ представляется интуитивно приемлемым и вполне убедительным, к нему можно предъявить ряд претензий методологического и эмпирического характера. Во-первых, несмотря на то, что ван Хаут отталкивается в

¹¹ Нельзя не отметить, что утверждения Кьеркья верны не только для итальянских предложений, но и для их английских переводов в его статье и для русских переводов в настоящем обзоре.

своей статье от работы [Perlmutter 1978], она полностью игнорирует тот факт, что основной диагностикой для противопоставления неаккузативных и неэргативных глаголов в нидерландском языке Д. Перлмуттер считал возможность образования безличного пассива. Ван Хаут же в качестве критериев выделения глагольных классов использует выбор вспомогательного глагола в перфекте и препозитивное употребление пассивных причастий, которые в нидерландском языке хорошо коррелируют с предельностью. Как было показано еще в работе [Zaenen 1993], класс глаголов, не допускающих безличного пассива, в нидерландском языке не совпадает с классом глаголов, образующих перфект при помощи *zijn*; эти две диагностики скорее являются ортогональными. Ван Хаут отмечает этот факт, но при этом исходит из априорного предположения, что для неаккузативности релевантен только выбор вспомогательного глагола, хорошо укладывающийся в ее теорию. Данное предположение, как кажется, скорее относится к области *demonstranda*, нежели к исходным постулатам. Кроме того, ван Хаут игнорирует работу [Lieber, Baayen 1997], в которой отвергается подход к выбору вспомогательного глагола в нидерландском языке в терминах неаккузативности и демонстрируется, что связь глагола *zijn* с признаком предельности является слишком упрощенной и что анализ выбора вспомогательного глагола требует более тонкого семантического аппарата. Как кажется, большая методологическая корректность вкупе с аккуратностью по отношению к работам предшественников послужили бы большей убедительности статьи ван Хаута.

В статье Х. Бенниса (H. Bennis) «Unergative adjectives and psych verbs» («Неэргативные прилагательные и глаголы психического состояния») также анализируется материал нидерландского языка. Беннис предлагает сводить противопоставление неаккузативных и неэргативных глаголов к характеристикам функциональной вершины *v*, причем, по его мнению, присутствие *v* и наличие внешнего аргумента суть независимые признаки, и существует целый класс предикатов, проецирующих *v* без внешнего аргумента. Беннис показывает, что в нидерландском языке можно выделить два класса прилагательных, с характеристиками, в чем-то напоминающими противопоставление неэргативных и неаккузативных глаголов. Неэргативные прилагательные типа *trouw* 'верный, преданный', *gehoorzaam* 'послушный' и неаккузативные прилагательные типа *duidelijk* 'ясный, очевидный', *bekend* 'известный' различаются по целому ряду синтаксических характеристик (в статье рассматриваются в основном предикативные, а не атрибутивные употребления прилагательных): допустимость инвертированного порядка аргументов, употребления в конструкциях типа *как известно*, *p* vs. **как верно*, *p*, выбор стратегии оформления зависимой клаузы при употреблении в качестве матричных предикатов (неаккузативное прилагательное *onduidelijk* 'неизвестно' допускает косвенный вопрос, а неэргативное *onacceptabel* 'неприемлемо' – нет). Для анализа неэргативных прилагательных Беннис предлагает, по аналогии с *v* для глаголов, вводить функциональную вершину «малое *a*», в спецификаторе которого находится субъект прилагательного; субъект неаккузативных прилагательных порождается в позиции их комплемента.

Беннис показывает, что сам класс неэргативных прилагательных синтаксически неоднороден: они допускают два типа конструкций, систематически различающихся по целому ряду свойств. Конструкции первого типа («тип А») обозначают свойство конкретного лица (ср. *Jan is nerveus* 'Ян нервный'), конструкции второго типа («тип В») обозначают свойство некоторой ситуации (ср. *Jans gedrag is nerveus* 'Ян ведет себя нервно', букв. «Поведение Яна нервное»). Лишь конструкции типа А допускают косвенный объект с ролью, близкой к экспериенцеру (ср. *Jan is mij trouw* 'Ян мне верен' vs. **Dat is mij trouw* букв. 'Это мне верно') или предложную группу со значением «объекта свойства» (ср. *Jan is trots op zijn overwinning* 'Ян горд своей победой' vs. **Jans houding is trots op zijn overwinning* букв. «Поведение Яна гордо его победой»). Конструкции типа В сближаются с пассивными конструкциями, в частности, они допускают выражение субъекта свойства при помощи предложной группы, ср. *Dat is aardig van Henk* 'Это мило со стороны Хенка' vs. **Jan is aardig van Henk*. Такой анализ

подтверждается возможностью контроля со стороны пониженного в синтаксическом ранге субъекта нулевых подлежащих, ср. *Het is aardig van Jan_i om Ø_i iets tegen mij te zeggen* 'Со стороны Яна мило сказать мне что-то'. Беннис предлагает анализировать конструкции типа В именно как «пассивные», получающиеся удалением внешнего аргумента прилагательного; результирующая структура имеет функциональную вершину *a*, но не имеет внешнего аргумента. Тем самым, противопоставляются три типа синтаксических структур, в которые могут встраиваться (предикативные) прилагательные: неаккузативные (*simplex ergative*) структуры, содержащие только АР; неэргативные структуры, содержащие проекцию аР с внешним аргументом (конструкции типа А); пассивизованные неэргативные структуры (Беннис называет их *complex ergative*), содержащие аР без внешнего аргумента (конструкции типа В).

Далее Беннис распространяет свой анализ на глагольные предикаты психологического состояния и эмоционального воздействия и отмечает, что их поведение во многом похоже на описанные выше характеристики прилагательных. Беннис показывает, что такие глаголы распадаются на три класса по признакам наличия/отсутствия проекции *vP* и, в случае, если таковая имеется, наличия у нее спецификатора. Глаголы типа 'знать' относятся к классу простых переходных глаголов с субъектом-экспериенцером, порождаемым в позиции спецификатора *vP*. Глаголы же с объектом-экспериенцером распадаются на два класса: тип *bevallen* 'понравиться' и тип *amuseren* 'забавлять'. Эти классы противопоставлены по целому ряду характеристик: глаголы типа *amuseren* в перфекте спрягаются со вспомогательным глаголом *hebben*, образуют пассив, их пассивное причастие предикцируется относительно экспериенцера (*de geamuseerde directeur* / **gedrag* 'позабавленный директор / *позабавившее поведение'). Это свидетельствует о том, что данные глаголы имеют структуру, подобную прилагательным типа В, т.е. *vP* с незаполненным спецификатором (стимул эмоции порождается в спецификаторе *VP*, а экспериенцер – в позиции компонента *VP*). Напротив, глаголы типа *bevallen* образуют перфект с *zijn*, не допускают пассивизации, их пассивные причастия предикцируются относительно стимула (*het bevallen gedrag* / **directeur* 'понравившееся поведение / *директор, которому нечто понравилось'), что свидетельствует о том, что их структура – глагольная группа без проекции *vP*.

Основной вывод статьи Бенниса, которая отличается очень интересным анализом фактов¹² и убедительной и ясной аргументацией иногда весьма сложных в техническом отношении решений, заключается в том, что признак «неаккузативность» сводится к ряду более простых понятий, таких как наличие/отсутствие вершины *v*, коррелирующее с тематической ролью агенса, каузативной семантикой и приписыванием структурного аккузатива, и наличием/отсутствием аргументной ИГ, заполняющей позицию спецификатора этой вершины.

В статье А. Алексиаду (A. Alexiadou) и Е. Анагностопулу (E. Anagnostopoulou) «Voice morphology in the causative-inchoative alternation: Evidence for a non-unified structural analysis of unaccusatives» («Залоговая морфология в каузативно-инхоативных глагольных парах: Свидетельства в пользу неединообразного структурного анализа неаккузативных глаголов») рассматривается материал новогреческого языка. В этом языке (как и в древнегреческом и в ряде других индоевропейских и неиндоевропейских языках, ср., например [Haspelmath 1990]) одни и те же морфологические показатели (в данном случае – медиопассивное спряжение) выражают целый ряд непереходных значений: антикаузативное (*I supa kegete*¹³ 'суп горит'), пассивное (*To vivlio diavastike ktes* 'Эту книгу читали вчера', букв. «читалась вчера») и рефлексивное (немаркированное: *I Maria htenizete* 'Мария причесывается' – и с рефлексивным превербом: *I Maria afto-*

¹² По соображениям экономии места, излагая данную статью, я полностью опустил очень интересный анализ поведения нидерландских презентных причастий.

¹³ Новогреческие примеры даются в статье в латинской транскрипции и воспроизведены здесь без изменений.

katastrefete 'Мария уничтожает сама себя'). Авторы задаются вопросом о том, что общего есть у всех этих употреблений. Они отвергают высказанную в работе [Embick 1998] гипотезу, что медиопассивная парадигма появляется при отсутствии внешнего аргумента, и постулируют для объяснения ее распределения специальную функциональную проекцию VoiceP¹⁴. В качестве мотивации такого анализа они приводят разнообразные данные, которые показывают, что антикаузативные глаголы вовсе не во всех случаях являются медиопассивными. Алексиаду и Анагностопулу выделяют четыре класса глаголов, образующих в новогреческом языке каузативно-инхоативные пары: (1) каузативный глагол активный, антикаузативный – медиопассивный (*gi-atrepse* 'вылечил' vs. *giatreftike* 'вылечился'); (2) каузативный глагол активный, антикаузативный, как правило, медиопассивный, но с некоторыми типами аргументов активный (*O Janis ekapse to vivlio* 'Янис сжег книгу' vs. *To vivlio kaike* 'книга сгорела', но *I fotia kei / *kegete* 'огонь горит'); авторы показывают, что активные употребления непереходных вариантов глаголов данного класса являются неэргативными, в отличие от медиопассивных, обладающих неаккузативными свойствами; (3) и каузативный, и антикаузативный глаголы являются активными (*O Janis adiasse ti sakula* 'Янис опустошил сумку', *I sakula adiasse* 'сумка опустела'); медиопассивная морфология допустима лишь в пассивном употреблении (*I sakula adiasstike apo to Jani* 'сумка была опустошена Янисом'); (4) каузативный глагол активный, антикаузативный допускает обе парадигмы при неодушевленном субъекте, но лишь медиопассивную при одушевленном. Далее авторы обращают внимание на то, что распределение глаголов по классам не является случайным; так, все глаголы класса (3) образованы от прилагательных (обратное также верно: все отадъективные глаголы с соответствующей семантикой лишены медиопассивных вариантов) при помощи аффиксов *iz-*, *-ev-*, *-en-* и т.п. Глаголы класса (4) демонстрируют ряд семантических различий между активной и медиопассивной формами: первая может обозначать частичную вовлеченность объекта в ситуацию, а вторая требует полной вовлеченности (ср. *To trapezomandilo leroise* 'скатерть запачкалась' vs. *To trapezomandilo lerothike* 'скатерть (совсем) испачкалась').

Алексиаду и Анагностопулу предлагают следующий анализ выделенных ими противопоставлений. По их мнению, аффиксы, образующие глаголы от прилагательных, реализуют функциональную вершину *v* с семантическим признаком *WECOME*, которая надстраивается над соответствующей адъективной проекцией. К данной непереходной структуре может быть добавлена еще одна вершина *v*, реализующая каузативную ситуацию с участником-агентом. Медиопассивная морфология в данном случае не появляется ввиду отсутствия избыточной в данном случае проекции VoiceP. Глаголы класса (4) анализируются как содержащие, во-первых, вершину *v* с признаком *RESULT*, подчиняющую себе проекцию VoiceP, ассоциированную с признаками способа действия (соответствующие обстоятельства, как показывают авторы, допустимы лишь с антикаузативными глаголами класса (4)). Агентивная семантика отсутствует у антикаузативных глаголов обоих классов, независимо от наличия медиопассивной морфологии. Переходные варианты глаголов класса (4) отличаются от антикаузативных наличием у вершины Voice агентивных признаков, лицензирующих ИГ с ролью агента-каузатора. Наконец, активные варианты непереходных глаголов класса (4) анализируются как содержащие глубинную посессивную конструкцию типа [*vP WECOME [XP the shirt [XP HAVE a wrinkle]]]* 'рубашка помялась', что согласуется с семантикой неполного охвата и недопустимостью обстоятельств образа действия. Что касается антикаузативных глаголов с медиопассивной морфологией, относящихся к классам (1) и (2), то они допускают стандартное неаккузативное описание (*vP* без внешнего аргумента). Таким образом, все новогреческие антикаузативные глаголы имеют общую структуру вида *vP* с признаками *WECOME/RESULT*, которая может подчинять проекции различной структуры, из которых лишь VoiceP допускает медиопассивную морфологию.

¹⁴ Ср. отчасти сходные предложения в работе [Kratzer 1996].

Статья Д. Эмбика (D. Embick) «Unaccusative syntax and verbal alternations» («Неаккузативный синтаксис и изменения валентности») также посвящена проблеме связи рефлексивной морфологии с неаккузативностью, однако рассматривает ее с другой точки зрения: если Алексиаду и Анагностопулу пытаются объяснить распределение медиопассивных форм новогреческих антикаузативов, то Эмбик основное внимание уделяет собственно рефлексивным глаголам, которые, как он показывает, в целом ряде языков имеют неаккузативные характеристики. Эмбик рассматривает все тот же новогреческий материал и привлекает для сравнения данные языков фула (Западная Африка) и явапай (Северная Америка). В новогреческом, как мы уже видели, некоторые глаголы получают рефлексивную интерпретацию в присутствии медиопассивной морфологии, а некоторым для рефлексивизации требуется также преверб *afto*. Во многом аналогично ведут себя и рефлексивные глаголы в двух других рассмотренных в статье языках.

Для объяснения этих фактов Эмбик применяет формальный аппарат «распределенной морфологии» (Distributed Morphology, см. [Halle, Marantz 1993; Embick 1998; Harley, Noyer 1999]). Данная теория, получившая немалую популярность среди генеративистов, исходит, с одной стороны, из представления о том, что все основные содержательные морфологические процессы (приписывание основам морфосинтаксических признаков, согласование и проч.) происходят непосредственно в синтаксисе, а, с другой стороны, постулирует отдельный морфологический компонент грамматики, соотносящий абстрактные морфосинтаксические признаки с их фонетическим выражением. Важнейший принцип «распределенной морфологии» (который она разделяет со многими современными морфологическими концепциями) заключается в том, что контексты для «вставления» (insertion) фонологического материала не обязаны быть полностью специфицированными по всем признакам. Этот принцип «недоопределенности» (underspecification) позволяет описывать различные случаи синкретизма морфосинтаксических признаков. Эмбик демонстрирует, что интересующие его случаи синкретизма морфологического кодирования антикаузативных, пассивных и рефлексивных глаголов могут быть описаны при помощи соотнесения того или иного морфологического средства (медиопассивной морфологии в новогреческом или суффикса *-v-* в явапай) с функциональной вершиной *v* с незаполненным спецификатором, т.е. с неаккузативным синтаксисом.

Т. Рейнхарт (T. Reinhart)¹⁵ и Т. Силони (T. Sioni) в статье «Against the unaccusative analysis of reflexives» («Против неаккузативной трактовки рефлексивных глаголов») весьма, на мой взгляд, убедительно спорят с концепцией, отстаиваемой, в частности, в только что изложенной статье Д. Эмбика (который, в свою очередь, в заключительном разделе своей статьи критикует их подход). Анализируя материал романских языков (французского и итальянского), а также нидерландского, английского и иврита, Рейнхарт и Силони демонстрируют, что рефлексивные глаголы, вопреки убеждению многих лингвистов (ср. [Marantz 1984; Grimshaw 1990; Pesetsky 1995; Sportiche 1998]), по целому ряду признаков сходны с неэргативными, а вовсе не с неаккузативными глаголами, несмотря на уже отмеченное морфологическое сходство. Так, они не допускают «партитивной клитизации» в романских языках, ср. франц. *Il en est arrivé trois hier soir* 'из них вчера приехало трое' (неаккузативный глагол без рефлексивной клитики), *Il s'en est cassé beaucoup* 'из них много разбилось' (неаккузативный глагол с рефлексивной клитикой) vs. **Il s'en est lavé beaucoup* 'из них много помылось' (рефлексивный глагол); в иврите они не допускают инверсии подлежащего и сказуемого, ср. *Crixim le-hit'asef 'asara talmidim* 'нужно, чтобы собралось десять студентов' (неаккузативный глагол рефлексивной породы) vs. **Crixim le-hitlabeš 'asara talmidim* 'нужно, чтобы оде-

¹⁵ Выдающийся лингвист, внесший значительный вклад в изучение различных аспектов грамматики, в первую очередь, в построение теории анафоры [Reinhart 1983; Reinhart, Reuland 1993], Тая Рейнхарт скоропостижно скончалась 17 марта 2007 г.

лось десять студентов' (рефлексивный глагол). Рейнхарт и Силони, следуя за Г. Кьеркья (см. выше), предлагают анализировать рефлексивные глаголы как полученные в результате операции р е д у к ц и и (reduction) внутреннего аргумента глагола; неаккузативные глаголы также являются результатом редукции, однако не внутреннего, а внешнего аргумента. Общность морфологических свойств этих двух классов глаголов объясняется, как и в статье Д. Эмбика, при помощи недоопределенности: на более абстрактном уровне они возникают в результате применения одной и той же операции. Рейнхарт и Силони, далее, убедительно демонстрируют, что операция редукции может применяться к глаголу как в лексиконе (это происходит, например, в иврите или в английском языке, где класс рефлексивных глаголов лексически ограничен), так и в синтаксисе (как во французском языке, где эта операция весьма продуктивна). Лексическая редукция имплицитует не только закрытый класс рефлексивных глаголов, но и ряд синтаксических свойств, в частности, запрет на рефлексивизацию матричных предикатов типа *считать*, прямой объект которых является на глубинном уровне аргументом вложенного предиката, ср. ивритское **Dan mitxašev 'intelligenti* 'Дан считает себя умным', букв. «Дан считается умным». Очевидно, что лексическая операция не может применяться к аргументам разных предикатов. Напротив, синтаксическая редукция, по мнению авторов, проходит во французском языке на уровне «логической формы» (LF), где матричная и вложенная клаузы объединяются в один сложный предикат, допускающий рефлексивизацию, ср. *Jean se considère intelligent* 'Жан считает себя умным'.

Статья М. Штейнбаха (M. Steinbach) «Unaccusatives and Anticausatives in German» («Неаккузативные и антикаузативные глаголы в немецком языке»), как и ряд других работ, представленных в рецензируемом сборнике, обращается к проблеме полисемии рефлексивных показателей, употребляющихся в том числе для образования антикаузативных глаголов. Как Т. Рейнхарт и Т. Силони, М. Штейнбах отстаивает идею, что неаккузативные глаголы образуются при помощи лексической операции (примерно соответствующей операции редукции), однако он идет дальше и показывает, что в немецком языке нет оснований для противопоставления неаккузативных и неэргативных глаголов на уровне синтаксиса: различные диагностики неаккузативности, предлагавшиеся для немецкого языка (см., например [Grewendorf 1989; Fagan 1992]), во-первых, не выделяют гомогенного класса предикатов, а, во-вторых, могут быть объяснены при помощи семантических факторов. Отстаиваемый автором анализ разных классов глаголов с рефлексивным показателем *sich* исходит из предположения, что во всех своих релевантных употреблениях *sich* занимает синтаксическую позицию прямого объекта глагола, однако лишь в собственно рефлексивных контекстах (ср. *Ralf rasiert sich* 'Ральф бреется') *sich* является синтаксическим аргументом, о чем свидетельствует ряд тестов. С точки зрения типологии рефлексивизации немецкий материал представляет особый интерес, поскольку в немецком нет различия между «сильными» (синтаксически автономными типа англ. *himself* или русск. *себя*) и «слабыми» рефлексивными показателями (типа русского постфикса *-ся*). Штейнбах предлагает довольно убедительное описание поведения *sich* в собственно рефлексивных, медиальных (*Dieser Roman liest sich gut* 'Этот роман хорошо читается') и антикаузативных (*Die Tür öffnet sich* 'Дверь открывается') употреблениях, основанных на теории анафоры Т. Рейнхарт и Э. Ройланда [Reinhart, Reuland 1993]. Полисемия конструкций с *sich*, по мнению Штейнбаха, следует из того, что это местоимение неспецифицировано относительно признака [$\pm$ референциальность]; референциальное *sich* образует рефлексивные предикаты, имеющие два аргумента как на уровне синтаксиса, так и на уровне семантики, а нереференциальное *sich* требует устранения внешнего семантического аргумента – либо путем связывания его генерическим оператором, как в медиальных конструкциях, либо с помощью редукции, как при антикаузативных глаголах.

М. Схорлеммер (M. Schoorlemmer) в статье «Syntactic unaccusativity in Russian» («Синтаксическая неаккузативность в русском языке») придерживается формального подхода к неаккузативности: противопоставление неаккузативных и неэргативных

глаголов является лексико-синтаксическим признаком и если и может быть семантически мотивировано, то лишь частично.

В статье рассматриваются две диагностики неаккузативности в русском языке (см. [Babby 1980; Pesetsky 1982; Борик 1995; Babyonyshev 1996; Harves 2002; Kuznetsova 2004]): употребление дистрибутивных конструкций с предлогом *по* и ряд особенностей образования видов. Я позволю себе не останавливаться подробно на первой диагностике и отошлю читателя к работам [Кузнецова 2005; Kuznetsova 2004], в которых проводится семантический анализ этих конструкций и демонстрируется, что ограничения на их употребление, во-первых, нетривиальным образом мотивированы их значением, и, во-вторых, не имеют отношения к неаккузативности.

Другая диагностика неаккузативности, которую подробно рассматривает Схорлеммер, связана с видовой системой русского языка. Схорлеммер выделяет (ср. [Схорлеммер 1998]) глаголы с лексически заданным видом (грубо говоря, глаголы, не входящие в тривиальные видовые пары, например, глаголы СВ *моргнуть*, *пнуть*, *поспать*, *задремать*) и глаголы с «композициональным», т.е. лексически не заданным видом (это в основном глаголы, входящие в тривиальные видовые пары: *умирать/умереть*, *писать/написать*, *сгореть/сгорать* и проч.). Принадлежность глагола к одному из двух классов Схорлеммер определяет в основном на основании того, синонимичны ли морфологически соотнесенные глаголы СВ и НСВ (наблюдается ли между ними «тождество лексического значения»). В качестве дополнительной диагностики «композиционального» вида Схорлеммер привлекает способность глагола СВ образовывать вторичный имперфектив. Далее, автор исходит из того, что «композициональный» вид всегда связан с наличием внутреннего аргумента, и делает закономерный в рамках данной логики вывод о том, что непереходные глаголы, образующие вторичный имперфектив, суть неаккузативные глаголы.

Критерий вторичной имперфективации позволяет определить неаккузативность лишь префиксальных глаголов. Для того, чтобы выявить статус непроемных глаголов, Схорлеммер предлагает следующую диагностику: если префиксальный глагол без постфикса *-ся* является неаккузативным (например, *высохнуть*), то и исходный бесприставочный глагол также неаккузативен (*сохнуть*). Данная диагностика основана на следующих допущениях: «всякий раз, когда префиксация образует непереходный глагол от переходного, помимо приставки добавляется также постфикс *-ся*» (с. 235; ср. *читать* → *начитаться*, *пить* → *напиться*), «всякий раз, когда неаккузативный глагол образуется от неэргативного при помощи префиксации, помимо приставки добавляется постфикс *-ся*» (с. 236; ср. *врать* → *завратиться*). Соответственно, в тех случаях, когда префиксация не сопровождается прибавлением постфикса, аргументная структура глагола сохраняется.

Статья М. Схорлеммер, пожалуй, является наиболее спорной в данном сборнике. Во-первых, сомнения вызывает уже исходный тезис автора – о том, что признак неаккузативности не связан с семантикой. Такая трактовка неаккузативности в настоящее время отвергнута большинством исследователей – даже те из них, кто, как, например, А. Ван Хаут (см. выше) или Х. Борер (см. ниже), исходят из строго конструкционистского подхода, соглашаясь с тем, что неаккузативная и неэргативная синтаксические конфигурации имеют вполне определенные семантические корреляты.

Во-вторых, мне представляется, что в построении своей концепции неаккузативности в русском языке автор допускает ряд существенных методологических просчетов. Так, Схорлеммер определяет глаголы с «композициональным» видом как имеющие «тождественное лексическое значение»; данный вопрос, однако, далеко не столь прост, как может показаться на первый взгляд; во-первых, если исходить из заведомо бессмысленного предположения, что глагол СВ и глагол НСВ суть разные лексемы, то их лексические значения будут различны по определению; во-вторых, нет, на самом деле, никаких разумных и неаприорных оснований – кроме освященности такой трактовки традицией – считать, что соотношение значений в парах типа *писать/написать* и *открыть/открывать*, с одной стороны, и *спать/поспать*

или *реветь/зареветь* с другой, является в первом случае, условно говоря, «грамматическим», а во втором, столь же условно говоря, «лексическим», см. дополнительные аргументы в монографии [Петрухина 2000].

Далее, утверждение о жесткой связи «композиционального вида» и наличия у глагола внутреннего аргумента, как кажется, логически непоследовательно. Сходное утверждение в статье А. ван Хаут (см. выше) делается с большей осторожностью и логически выстроено совершенно иначе: Ван Хаут демонстрирует на довольно представительном материале нидерландского языка, что наличие прямого объекта способствует предельности глагола (но не предопределяет ее в 100% случаев), а отсутствие такового – неопределенности. Тем самым, утверждение о связи неаккузативности с предельностью в нидерландском языке ван Хаут, если угодно, выводит из независимо наблюдаемых фактов этого языка. Что же касается М. Схорлеммер, то она принимает корреляцию между наличием прямого объекта и предельностью («композициональным» видом) в русском языке в качестве данного, и не задумывается над необходимостью как-либо доказать, что эта корреляция в русском языке действительно имеет место, что неверно (так, Схорлеммер сама упоминает в сноске на с. 228 такие глаголы, как *возразить/возражать*, *помочь/помогать* и т.п., которые, очевидно, являются типичными представителями класса глаголов с «композициональным видом»; их внутренний аргумент, однако, не только не является прямым объектом, но ни в каком смысле не может рассматриваться как «накопитель эффекта» [Падучева 2004а; Тенны 1994], а, как известно, лишь аргумент с подобной семантической функцией может участвовать в аспектуальной композиции).

Таким образом, логика Схорлеммер такова: глаголы, образующие вторичный имперфектив, суть глаголы с «композициональным видом» (посылка 1); глаголы с «композициональным видом», в том числе непереходные, всегда имеют внутренний аргумент (посылка 2); следовательно, непереходные глаголы, образующие вторичный имперфектив, суть неаккузативные глаголы. Ввиду того, что обе посылки, как было только что показано, по меньшей мере, неаккуратно сформулированы, а в конечном итоге, по всей видимости, попросту неверны, то и к следствию, которое выводит из них автор, приходится относиться с большой осторожностью.

Отмечу также, что помимо сугубо методологических просчетов, статья Схорлеммер содержит немало фактических неточностей; чего стоят, например, такие русские глаголы, как *вызывать* или *захваривать* (с. 238).

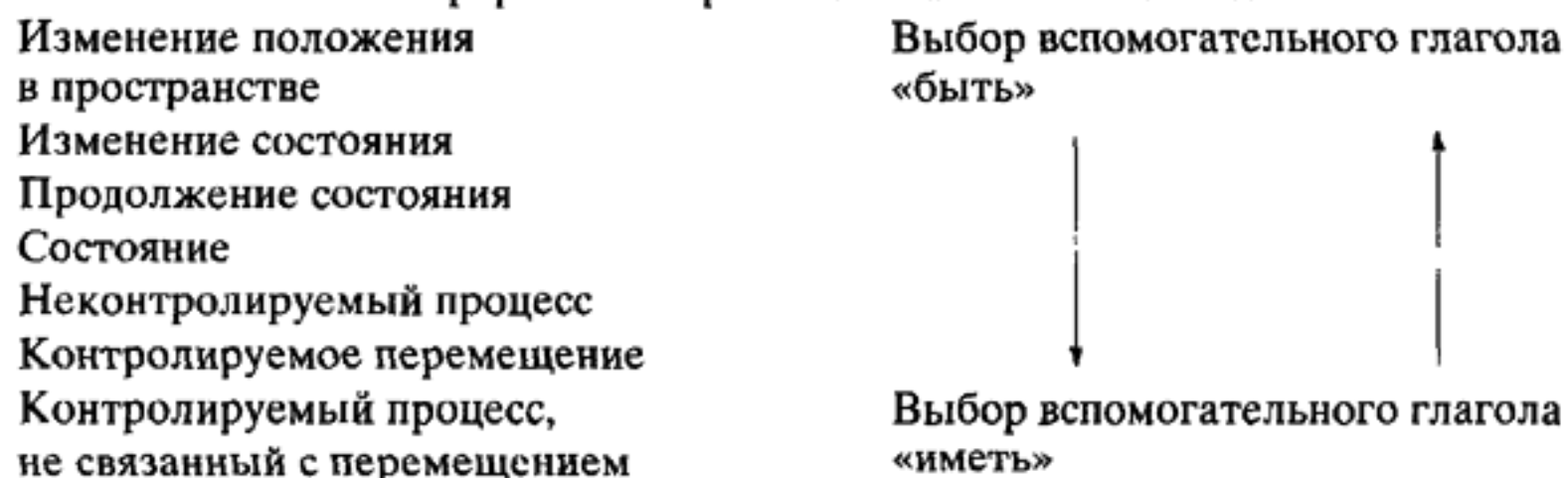
Статья А. Сораче (A. Sorace) «Gradients at the lexicon-syntax interface: Evidence from auxiliary selection and implications for unaccusativity» («Шкалы на лексико-синтаксическом интерфейсе: свидетельства выбора вспомогательного глагола и выводы для неаккузативности») продолжает серию экспериментальных исследований, посвященных проблеме выбора вспомогательного глагола в аналитических формах перфекта в европейских языках и его усвоения, см., в частности [Sorace 1995; 2000; Keller, Sorace 2002]. Сложность применения этой диагностики неаккузативности, как уже говорилось выше, заключается в том, что выбор вспомогательного глагола подвержен как внутриязыковой, так и межъязыковой вариативности.

Статья Сораче начинается с краткого критического обзора основных концепций неаккузативности («проекционистской» и «конструкционистской», см. выше), каждая из которых, как показывает автор, не может адекватно отразить факт вариативности поведения непереходных глаголов (справедливости ради надо заметить, однако, что основной аргумент против «проекционистской» модели Б. Левин и М. Раппапорт Ховав, а именно, что постулирование полисемии лексем и правил семантической деривации делает лексикон перегруженным и трудным для усвоения, может быть отведен, поскольку, во-первых, полисемия, удобна она для усвоения или нет, является повсеместным фактом любого естественного языка, и, во-вторых, описание полисемии в терминах семантической деривации вносит в структуру лексикона систематическую логику, см. [Падучева 2004б], в частности, упрощающую усвоение). Сораче также от-

дельно рассматривает предсказания проекционистской и конструкционистской концепций для усвоения неаккузативности.

Сораче предлагает описывать выбор вспомогательного глагола в европейских языках не в терминах бинарного противопоставления неэргативных и неаккузативных глаголов, а при помощи иерархии выбора вспомогательного глагола (Auxiliary Selection Hierarchy), см. схему.

Иерархия выбора вспомогательного глагола

Глаголы, находящиеся на крайних участках иерархии (соответственно, глаголы изменения положения в пространстве, типа франц. *arriver* 'прибыть', и глаголы деятельности, типа франц. *travailler* 'работать'), последовательны в своем поведении, как внутри конкретного языка (не допускают вариативности в выборе вспомогательного глагола), так и типологически (во всех языках выбирают один и тот же вспомогательный глагол). Напротив, глаголы, расположенные между двумя полюсами иерархии, подвержены большей или меньшей вариативности, которую Сораче демонстрирует на материале итальянского языка (типологические данные приводятся в работе [Sorace 2000]). Так, глаголы, продолжения состояния обычно сочетаются со вспомогательным глаголом *essere* при неагентивном субъекте и с глаголом *avere* – при агентивном, ср. *Questa situazione è/ha persistito per troppo tempo* 'Эта ситуация сохранялась на протяжении долгого времени' vs. *Gianni ha/*è persistito nel suo atteggiamento* 'Джанни остался при своем отношении'. Глаголы, обозначающие неконтролируемые процессы, также допускают вариативность, обусловленную не до конца понятными факторами, ср. *Paolo ha/*è tentennato a lungo prima di prendere una decisione* 'Паоло долго колебался перед тем, как принять решение', *Il mendicante ha/è rabbrivito dal freddo* 'Нищий дрожал от холода'. Сораче предсказывает, что несмотря на то, что граница между «быть»-глаголами и «иметь»-глаголами в разных языках может проходить по-разному, это противопоставление не должно нарушать предложенную ей иерархию; в частности, невозможен язык, в котором последовательны в выборе вспомогательного глагола были бы стативные глаголы, а непоследовательны – глаголы типа *arriver* или *travailler*. Также Сораче коротко останавливается на соотношении иерархии выбора вспомогательного глагола с другими диагностиками неаккузативности и показывает, что употребление партитивной клитики *le* в итальянском языке зависит от лексико-семантического класса глагола примерно так же, как выбор вспомогательного глагола, и что употребление «плавающих кванторов» в японском языке (см. [Tsujimura 1991]) во многом соответствует данной иерархии (подробнее см. [Sorace, Shomura 2001]); отмечу также, что подобные иерархии, в ряде деталей отличающиеся от предложенной Сораче, могут быть использованы и для объяснения типологического варьирования в кодировании актантов непереходных глаголов, так называемого «активного типа» предложения, см. [Foley 2005]).

Две последние статьи сборника посвящены усвоению аргументной структуры детьми – проблемы, стоящей особенно остро в связи с явлением неаккузативности, т.к. на поверхностном уровне во многих случаях неэргативные и неаккузативные глаголы ничем не различаются. В литературе существует два основных подхода к усвое-

нию аргументной структуры, являющиеся следствиями «проекционистской» и «конструкционистской» концепций. Первый подход (semantic bootstrapping, см. [Grimshaw, Pinker 1990]) предполагает, что ребенок, зная семантику глагола, реконструирует его аргументную структуру, используя универсальные принципы отображения. Вторая гипотеза (syntactic bootstrapping, см. [Gleitman 1990]), напротив, предполагает, что исходными для ребенка, усваивающего язык, являются данные об аргументной структуре, получаемые в результате синтаксического анализа предложений; эти данные, в свою очередь, дают ему представление об особенностях семантики глагола¹⁶.

В статье Дж. Рэндал (J. Randall), А. ван Хаут (A. van Hout), Ю. Вейсенборна (J. Weissenborn) и Х. Баайена (H. Baayen) «Acquiring unaccusativity: A cross-linguistic look» («Усвоение неаккузативности: Межъязыковой аспект») отстаивается лексико-семантическая гипотеза. На материале немецкого и нидерландского языков авторы анализируют семантические факторы, влияющие на выбор вспомогательного глагола в аналитическом перфекте у взрослых носителей и у детей. Классы неаккузативных и неэргативных глаголов в немецком и нидерландском языках не вполне совпадают: если в нидерландском основную роль играет признак «направленное изменение состояния или положения в пространстве» (directed change; ср. уже упоминавшуюся статью [Lieber, Baayen 1997]), то в немецком, помимо этого, имеет значение признак «перемещение» (locomotion). Тем самым, глагольные группы, обозначающие нецеленаправленное перемещение, в нидерландском языке трактуются как неэргативные (ср. *John heeft urenlang door de zaal rondgedanst* 'Джон часами кружил в танце по залу'), а в немецком – как неаккузативные (ср. *John ist stundenlang durch den Saal herumgetanzt* 'тж.'). Авторы ставят задачу показать, что такие семантические признаки, как «направленное изменение», «перемещение» и «агентивность» действительно непосредственным образом влияют на выбор вспомогательного глагола и, тем самым, на классификацию предикатов как неаккузативных или неэргативных. В статье излагаются результаты эксперимента, в ходе которого испытуемым (взрослым и детям двух возрастных групп: 4–5 лет и 7–8 лет) предлагалось употреблять формы перфекта от несуществующих глаголов, семантика которых демонстрировалась им при помощи видео. Основные результаты эксперимента таковы. Во-первых, испытуемые гораздо реже сомневаются в выборе вспомогательного глагола в тех случаях, когда предельность предиката является композициональной (т.е. «наводится» предложной группой со значением конечной точки движения), нежели когда она может быть выведена только из внеязыковой ситуации. Во-вторых, даже когда глагол предельный, наличие у него участника-агенса существенно повышает вероятность использования вспомогательного глагола «иметь» – особенно у ингерентно-предельных глаголов (обозначающих переход в новое состояние, таких как 'сесть' или 'исчезнуть'). Сопоставление данных взрослых и детей показывает, что иерархическая система семантических признаков с возрастом усложняется, а колебания между разными вариантами при одинаковом наборе признаков, напротив, уменьшаются. Особенно интересен результат сопоставления данных нидерландского языка с данными немецкого. Оказывается, что если у взрослых носителей этих двух языков системы семантических признаков, как мы видели, устроены по-разному (в частности, в нидерландском доминантным является признак предельности, а в немецком – ингерентности ~ композициональности), то у детей они скорее похожи: и нидерландские, и немецкие дети в наибольшей степени при выборе вспомогательного глагола опираются на признак предельности. Таким образом, можно сделать вывод, что связь неаккузативности и предельности – общая для двух языков – усваивается раньше, чем параметр «перемещение», релевантный лишь для немецкого языка.

Статья Х. Борер (H. Borer) «The grammar machine» («Грамматическая машина») отстаивает противоположную концепцию. Борер исходит из того, что не семантические

¹⁶ Ср. также весьма интересные данные, приведенные в монографии [Goldberg 2006: Ch. 4–6].

признаки глагола определяют возможности его сочетаемости с теми или иными типами актантов и конструкций, а, напротив, что конструкции определяют семантику глагола в конкретном употреблении. Одним из очевидных аргументов в пользу этого тезиса является тот факт, что, выступая в различных конструкциях, глаголы нередко вносят в них скорее «модификационный», нежели «базовый» компонент значения. Так, глаголы звука в английском и в целом ряде других языков могут употребляться в самых разных контекстах (ср. *The police car sirened the Porsche to a stop* 'сирена полицейской машины заставила «Порше» остановиться', *The police car sirened the daylight out of me* 'сирена полицейской машины напугала меня так, что свет стал не мил'); в каждом случае значение каузации, перемещения, изменения состояния и проч. скорее относится к конструкции, в то время как глагол лишь вносит значение 'действие сопровождалось звуком определенного рода'. Борер высказывает небеспочвенные сомнения в том, что способность глагола употребляться в разных конструкциях является следствием лексической полисемии; напротив, она полагает, что глагол в общем случае имеет лишь самое абстрактное значение, а аргументная структура и связанные с ней семантические признаки, такие как каузация, предельность, агентивность и т.п. выводятся из синтаксической структуры.

Данная концепция допускает одно весьма интересное следствие для усвоения языка. Если скоро семантика предложения в значительной степени обусловлена синтаксической структурой, а не значением и лексическими характеристиками предиката, то на одном из этапов усвоения языка ребенок должен строить предложения с правильной синтаксической структурой, однако вставлять в них глаголы с неподходящей семантикой. Это происходит потому, что ребенок уже усвоил структурные возможности данного языка и соответствия между синтаксическими позициями и семантическими признаками, но еще не полностью овладел более тонкими аспектами лексической семантики и в особенности идиосинкратическими лексическими ограничениями¹⁷.

В подтверждение своей гипотезы Борер подробно анализирует материал современного иврита. Как известно, семитский глагол содержит корень с чрезвычайно абстрактным лексическим значением, конкретизируемым той или иной «породой» — комбинацией морфонологической модели с определенным значением и морфосинтаксисом. Значения пород, однако, в значительной степени лексикализованы; в частности, «первая» (основная) порода, по всей видимости, вообще не имеет никаких специфических семантических признаков. Некоторые породы накладывают ограничения на аргументную структуру; так, «вторая» порода всегда непереходна, а «третья», напротив, всегда переходна. Многие глаголы употребляются только в одной породе, причем выбор породы часто лексикализован и непредсказуем.

Оказывается, что дети определенного возраста (в среднем от 20 до 30 месяцев), способны проводить весьма непростые морфологические операции и правильно определять глагольный корень и структуру породы (как правило, дети делают очень мало собственно морфологических ошибок, в частности, редко строят вообще несуществующие породы), равно как и порождать полные синтаксические структуры, однако неспособны правильно соотносить синтаксическую структуру с подходящей породой,

¹⁷ По предположению порождающей грамматики, многие аспекты синтаксической структуры и семантико-синтаксического интерфейса врожденные; следует отметить, однако, что гипотеза о врожденности, которую на данном этапе исследований невозможно ни доказать, ни опровергнуть, ортогональна по отношению к аргументации Борер: ребенок может усвоить, что в данном конкретном языке определенные конструкции употребляются для обозначения тех или иных типов ситуаций, точно так же, как, например, что прошедшее время обозначается тем или иным аффиксом (ср. аргументацию в книге [Goldberg 2006]). Лексические ограничения на употребление глаголов в конкретных конструкциях можно считать в большей или меньшей степени аналогичными ограничениям на сочетаемость морфологических показателей с основами; и те, и другие в той или иной степени мотивированы (семантически или формально) и в той или иной степени нерегулярны в зависимости от конкретного языка.

употребляя породы с непереходными значениями в переходных контекстах и наоборот. Тем самым, как утверждает Борер, есть четкие свидетельства того, что дети обладают знаниями семантико-синтаксической и морфологической структуры до того, как усвоят (во многом лексикализованные) принципы, позволяющие правильно их соотносить. Если такая интерпретация материала, которую предлагает Борер, действительно адекватна, то это является важным свидетельством в пользу конструкционистской концепции семантико-синтаксического интерфейса.

В сборник также включена статья Т. Фенстры (T. Veenstra) «Unaccusativity in Saraglossan: The syntax of resultatives» («Неаккузативность в сарамакском креоле: синтаксис результативных конструкций»), которая, однако, несмотря на заглавие, не имеет прямого отношения к теме неаккузативности: Фенстра рассматривает синтаксическую структуру лишь переходных результативных конструкций, материал же неаккузативных глаголов привлекает только в качестве вспомогательного. В статье приводится весьма интересный материал, анализ которого, однако, не представляется целиком убедительным; подробнее на этой статье я останавливаться не буду за недостатком места.

Несмотря на то, что интерес к проблеме неаккузативности и связанным с ней более общим вопросам не ослабевает, и библиография по данной проблеме с каждым годом существенно возрастает, данный сборник нельзя не признать важной вехой в изучении этого феномена. Ряд включенных в него статей (в частности, статьи Кьеркья, Борер, Рейнхарт и Силони, Сораче, Бенниса) вносят существенный вклад как в разработку теории неаккузативности, так и в эмпирическую базу этих исследований. В большинстве статей представлен весьма тонкий и подробный анализ фактов, равно как и убедительная аргументация в пользу предлагаемой автором трактовки. Следует, однако, отметить, что среди авторов статей, вошедших в сборник, практически нет согласия по ряду важных вопросов; в частности, предлагаемые в разных статьях и – в пределах каждой отдельной статьи, – как правило, представляющиеся убедительными синтаксические механизмы описания неаккузативности при сравнении их друг с другом оказываются если не взаимопротиворечащими, то по крайней мере, не сводимыми один к другому очевидным образом. Данное обстоятельство, однако, ни в коей мере не отрицает актуальности тех научных вопросов, которые задают авторы и редакторы сборника, и ценности представленных в нем исследований.

III

Как уже указывалось, аспектологическая проблематика имеет самое прямое отношение к теме данного обзора. Аспектология в течение последних нескольких десятилетий является одной из наиболее динамично развивающихся областей лингвистики. Количество публикаций по разным проблемам, тем или иным образом связанным с семантикой и грамматикой вида в разных языках, поистине необозримо¹⁸. Однако этот «аспектологический бум» связан не только и, пожалуй, даже не столько с тем, что вид как семантическая категория универсален и представлен в разнообразнейших лексических и грамматических обликах в огромном числе языков, сколько именно с тем, что такие понятия, как «состояние», «действие», «предельность» и т.п. относятся к базовым, конституирующим элементам лексики и грамматики естественного языка, определяющим далеко не только особенности употребления глаголов и их видо-временных форм, но и интерпретацию и синтаксическую и ролевую структуру предложения в целом. Так, известно, что семантическая роль пациенса и синтаксическая функция прямого объекта непосредственным образом связаны с понятием предельности (см. уже упоминавшиеся работы, а также [Krifka 1989, 1992; Smith 1997/1991; Filip

¹⁸ См., например, далеко не полную библиографию, собираемую Р. Бинником в сети интернет по адресу <http://www.utoronto.ca/~binnick/TENSE/index.html>

1999)), что предикаты, обозначающие состояния, обладают в языках мира рядом нетривиальных синтаксических и морфологических характеристик (ср. [Mithun 1991; Kratzer 1995; Stassen 1997]), что явления так называемой «расщепленной эргативности» во многом определяются аспектуальными параметрами (ср. [Tsunoda 1981; Lazard 1994; Bittner, Hale 1996]), и т.п. Тем самым, аспектуальные и акциональные понятия образуют своеобразный «мостик» между лексикой и грамматикой, а их исследование позволяет проникнуть в устройство и особенности взаимодействия обоих основных компонентов системы языка.

Сборник «Синтаксис аспекта. Тематическая и аспектуальная интерпретация» под редакцией израильских лингвистов Н. Эртешик-Шир (N. Erteschik-Shir) и Т. Рапопорт (T. Rapoport) посвящен проблеме взаимодействия синтаксической структуры и аспектуальных значений – как лексических, так и грамматических – и, фактически, рассматривает ту же самую тематику, что сборник «Загадка неаккузативности».

Статья К. Хейла (K. Hale)¹⁹ и С.Дж. Кейсера (S.J. Keyser) «Aspect and the syntax of argument structure» («Аспект и синтаксис аргументной структуры») продолжает многолетние исследования авторов в области взаимодействия синтаксиса и лексики (см. [Hale, Keyser 1993; 2002] и рецензию [Минор 2005]). Напомню, что основная идея Хейла и Кейсера состоит в том, что грамматические свойства лексических единиц (их в первую очередь интересуют глаголы) репрезентируются на уровне синтаксиса составляющих и что, тем самым, лексикон как отдельный компонент языковой системы, функционирующий по своим собственным принципам, сводится к минимуму. В частности, лексико-семантические классы глаголов определяются тем, какие глубинные синтаксические структуры лежат в их основе. В данной статье рассматривается несколько случаев (на материале английского языка), представляющих определенные проблемы для данного подхода. Наиболее интересный из этих случаев (и, насколько мне известно, не анализировавшийся в более ранних трудах авторов) касается стативных предикатов. Хейл и Кейсер задаются вопросом, с каким типом синтаксической категории может быть связан семантико-грамматический признак стативности, и рассматривают различные употребления прилагательных, глаголов когнитивного и эмоционального состояния, посессивные, локативные и др. конструкции, и в частности, синонимические и квазисинонимические отношения между ними. В результате они приходят к выводу, что стативность не коррелирует ни с одной из традиционно принимаемых в порождающей грамматике синтаксических категорий (в частности, с категорией А – прилагательное), но связана с семантическим признаком, который они называют «*центральное совпадение*» (*central coincidence*). «Центральное совпадение» двух объектов может интерпретироваться «буквально», и тогда это неподвижная локализация некоторого объекта в некотором месте, либо метафорически, как пребывание объекта в том или ином состоянии, ср. [Gruber 1976; Jackendoff 1976]. Данный семантический признак приписывается в лексиконе некоторым глаголам, таким как *cost* 'стоять' или *weigh* 'весить', некоторым предлогам (например, *with* 'с') и особой функциональной вершине δ , формирующей предикативные употребления прилагательных (данная вершина присутствует, например, в таких предложениях, как *We found the sky as clear as glass* 'Небо оказалось чистым, как стекло' или *The sky is clearer today* 'Небо сегодня чище'). Также авторы отмечают, что «центральное совпадение» является более простым понятием, нежели «*конечное совпадение*»

¹⁹ Стоит отметить, что Кеннет Хейл (1934–2001 гг.) был одним из крупнейших лингвистов последней четверти XX в., внесшим колоссальный вклад в исследование и «введение в оборот» теоретической лингвистики данных малоизученных языков Северной и Центральной Америки и Австралии, равно как и в развитие теории языка. Значение его работ, написанных большей частью в рамках порождающей грамматики, выходит далеко за пределы какой-либо одной конкретной парадигмы. Статья в данном сборнике была одной из последних работ выдающегося ученого.

(terminal coincidence), предполагающее перемещение или изменение, и потому последнее требует для своего выражения более сложной синтаксической структуры (ср. простой предлог *in*, не специфицированный по признаку «центральное/конечное совпадение», и сложный предлог *into*, допускающий лишь «конечное совпадение»). Следует отметить, что при всем уважении к авторам этой статьи, их выводы представляются несколько менее интересными и новыми, чем конкретный материал, который они весьма подробно рассматривают.

В статье Х. Харли (H. Harley) «How do verbs get their names? Demoninal verbs, manner incorporation, and the ontology of verb roots in English» («Откуда глаголы берут свои имена? Отыменные глаголы, инкорпорация способа и типы глагольных корней в английском языке») предлагается уточнение аспектуальной классификации английских глаголов, выполненное в русле теории аргументной структуры и «лексического синтаксиса» (*l-syntax*) К. Хейла и С. Кейсера. Харли отталкивается от известных фактов, касающихся связи аспектуальной интерпретации глагольной группы с наличием и свойствами аргументов. Рассматривая различные классы глаголов, Харли демонстрирует, что корреляции между исчисляемостью/неисчисляемостью аргумента и предельностью/непредельностью предиката распространяются и на отыменные (в трактовке принимаемой автором теории) глаголы. Так, непереходные глаголы «принесения потомства» (*foul* 'жеребиться', *whelp* 'щениться'), образованные от исчисляемых имен, оказываются предельными, а глаголы «телесных выделений» (*sweat* 'потеть', *bleed* 'кровоточить'), образованные от неисчисляемых имен, закономерным образом непредельны. Аналогичным образом, глаголы, образованные «инкорпорацией» прилагательных, обозначающих признаки с закрытой шкалой (*flat* 'плоский', *empty* 'пустой'), предельны, в то время как прилагательные с открытой шкалой (*long* 'длинный', *rough* 'неровный') образуют непредельные глаголы (о семантической типологии прилагательных см. ниже в связи со статьей С. Уэхслера). Отдельно рассматриваются глаголы, основа которых обозначает способ или инструмент; их аспектуальные свойства не связаны с характеристиками имени, от которого они образованы, более того, для их описания требуется (как отмечает автор, не до конца ясный) механизм, отличный от того, что подходит для глаголов других классов, поскольку имена со значениями способа или инструмента, не будучи аргументами, не могут подвергаться синтаксической «инкорпорации». В связи с этим необходимо заметить, что тот факт, что чисто синтаксический подход сталкивается с трудностью при описании явления не периферийного и специфического для английского языка, а находящегося в центре английской грамматики и обладающего универсальной значимостью, ср. [Talmy 1985], вряд ли свидетельствует в пользу такой концепции.

В статье Н. Эртешик-Шир (N. Erteschik-Shir) и Т. Рапопорт (T. Rapoport) «Path predicates» («Предикаты со значением пути») предлагается модель лексической декомпозиции глаголов, базирующаяся всего на трех основных семантических компонентах — способ (manner, M), состояние (state, S) и местоположение (location, L), — каждый из которых способен проецировать определенный тип синтаксической структуры. Глаголы, ассоциированные с признаком M, обладают аспектуальными свойствами процессов (activities), а их единственный аргумент получает семантическую роль агенса; два других семантических признака образуют глаголы изменения состояния (achievements) и приписывают своему аргументу роль темы. Двухвалентные глаголы, обозначающие действия (accomplishments) по мнению авторов, образуются только путем повторной проекции одного и того же глагола, в результате чего образуется более сложная синтаксическая структура, допускающая более богатую интерпретацию. Далее авторы обращают внимание на то, что ряд глаголов, имеющих в своем составе лишь один семантический признак, тем не менее, допускают транзитивизацию, а также непредельное (процессное) понимание. Таковы глаголы постепенного изменения состояния или местоположения (*cool* 'охлаждать(ся)', *advance* 'продвигать(ся)') и способа перемещения (*march* 'маршировать'). Все эти предикаты объединяет то, что в их семантику встроен абстрактный компонент «путь»

(path), предполагающий постепенное, состоящее из множества «шагов» или «фаз», а не одномоментное, изменение или перемещение. Из семантического признака «множественность» выводится свойство неопределенности (точнее, необязательной предельности) таких глаголов. Что касается допустимости переходных употреблений этих глаголов, то она, по мысли авторов, связана с тем, что внешний агент при таких употреблении не только инициирует действие, как при глаголах типа *break* 'разбить', но и контролирует его развитие по соответствующему «пути». Это подтверждается тем, что, например, фраза *The officer marched the soldiers for an hour* не может быть интерпретирована так, что офицер дал солдатам команду маршировать, а через час они сами остановились; длительность процесса, обозначенного глаголом, также зависит от воли агенса. Анализ, предлагаемый в данной статье, представляется весьма интересным и привлекает формальной простотой и чувствительностью к тонким противопоставлениям значений.

Ж. Герон (J. Guéron) в статье «Tense, person, and transitivity» («Время, лицо и переходность») выдвигает гипотезу, согласно которой синтаксическая фаза (в терминологии Н. Хомского, см. [Chomsky 2001]), связанная с глагольной группой (vP/VP), имеет только пространственную, а фаза, связанная с группой времени (CP/TP), – только временную интерпретацию. В статье анализируется значительное число фактов, в первую очередь английского и французского языков, и выдвигается ряд гипотез, касающихся семантических ролей, типов переходности и синтаксической структуры, которые представляли бы немалый интерес, если бы были сформулированы и аргументированы несколько более аккуратно. Подробно анализировать данную статью я не буду²⁰.

Статья М. Бат (M. Butt) и Дж. Рэмчанд (G. Ramchand) «Complex aspectual structure in Hindi/Urdu» («Сложная структура аспекта в хинди/урду») посвящена одному типу аналитических конструкций в близкородственных языках хинди и урду – так называемым конструкциям с «легкими глаголами» (light verbs). Авторы аккуратно и убедительно демонстрируют, что «легкие глаголы» отличаются по своему морфосинтаксическому поведению как от бипредикативных конструкций с матричными предикатами, так и от сложных форм со вспомогательными глаголами, и, тем самым, образуют отдельный класс сложных предикатов (complex predicates, см. [Alsina et al. (ed.) 1997]). Далее авторы обращаются к теоретической проблеме, связанной с тем, что рассматриваемые ими сложные предикаты, члены которых обладают определенной морфосинтаксической самостоятельностью (в частности, каждый из них имеет свою аргументную структуру), во многом аналогичны цельным лексическим единицам других языков, выражая такие значения, как предельность и каузативность. Эти данные анализируются в рамках теории синтаксической репрезентации структуры события, предложенной в работах Дж. Рэмчанд [Ramchand 2003]²¹. Данная теория предполагает, что первая фаза синтаксической деривации, ответственная за лексико-семантическую, аспектуальную и аргументную структуру, состоит максимум из трех наиболее общих компонентов, имеющих постоянную интерпретацию: это обязательно присутствующая в любом (динамическом) предложении вершина V, отвечающая за обозначаемый предикатом процесс; каузативная вершина v, вводящая агенса-каузатора; и результирующая вершина R, ответственная за обозначаемое некоторыми предикатами изменение состояния. Подобная система понятий, по мнению авторов, позволяет интуитивно убедительным и простым образом, с одной стороны, отразить неоднородную структуру разных типов ситуаций и связь аспектуальных и ролевых характеристик глаголов, и, с другой, соотнести лексико-семантические признаки с их выражением.

²⁰ Отмечу лишь, что русские примеры в этой статье (с. 103) приведены далеко не в лучшем иде.

²¹ Приложение к богатейшему эмпирическому материалу и нетривиальное дальнейшее развитие эта концепция получила в коллективной монографии [Лютикова и др. 2006].

ем в синтаксисе. Авторы демонстрируют, как данная теория описывает разные типы сложных предикатов в хинди/урду и предсказывает некоторые нетривиальные особенности их поведения, в частности, что «легкие глаголы» с каузативным значением, занимающие вершину *v*, будут обладать большей морфосинтаксической свободой (проявляющейся в возможностях отрыва «легкого глагола» от смыслового, в сфере действия отрицания, в поведении обстоятельств), нежели конструкции с предельным или результативным значением.

В статье Э. Дорон (E. Doron) «The aspect of agency» («Аспектуальные свойства агентивности») предлагается анализировать «интенсивную» и «каузативную» породы ивритского глагола как связанные (в случае, когда предикат имеет полную парадигму пород) с двумя разными семантическими ролями – а к т о р а (одушевленного участника, целенаправленно выполняющего действие) и к а у з а т о р а. В первом случае порода не изменяет валентность глагола, но лишь повышает агентивность основного участника ситуации, во втором случае в аргументную структуру глагола добавляется новый участник – агенс. Данный анализ предсказывает невозможность образования каузативной породы от переходных глаголов (поскольку это привело бы к недопустимой для иврита синтаксической структуре с двумя аккумулятивными дополнениями); автор анализирует класс исключений из этого правила, а именно ряд глаголов эмоционального отношения и глаголов, один из аргументов которых обладает семантической ролью места, и приходит к выводу, что в первом случае объект, а во втором случае субъект этих предикатов маркируется (по крайней мере, на одном из уровней синтаксической деривации) косвенным падежом, что делает возможным каузативизацию. Ср. переходную структуру с глаголом *sasa* 'ненавидеть': *ha-talmid sasa et ha-miqcoa* 'Студент ненавидел этот предмет (Acc)', – непереходную структуру с пассивной формой и экспериенцером, выраженным предложной группой: *ha-miqcoa sanu al ha-talmid* 'Этот предмет был ненавистен студенту' – и каузатив, образованный, по мысли автора, от второй структуры, а не от первой, о чем свидетельствует оформление экспериенцера: *ha-sefer hisni al ha-talmid et ha-miqcoa* 'Эта книга сделала предмет ненавистным студенту'.

Сходные проблемы рассматриваются и в статье Л. Трэвис (L. Travis) «Agents and causes in Malagasy and Tagalog» («Агенты и каузаторы в малагасийском и тагальском языках»). Автор развивает свою идею, см. [Travis 2000], о том, что в этих австронезийских языках имеются отдельные синтаксические проекции и отдельные морфемы, вводящие участников с ролями неагентивного каузатора и агенса, соответственно. Более того, рассматривая два типа каузативных конструкций от разных типов предикатов в их взаимодействии с известной своей сложностью «залоговой» морфологией этих языков, автор обнаруживает корреляции между появлением в словоформе морфемы, ассоциированной с той или иной ролевой или аспектуальной вершиной, и тем, вынесена ли соответствующая именная группа в более высокую синтаксическую позицию или остается в той, в которой была порождена. Так, Трэвис предлагает для тагальской словоформы со значением 'X заставил Y принести Z наверх' следующую глубинную структуру: *m-pag-pa-pag-akyat*, где *-pag-* – показатель каузатива, который в данном случае должен выступать в двух «экземплярах». Тем не менее, каузативная морфема стирается в том случае, когда вводимый ею участник не является топиком (т.е. остается *in situ*): при топике-каузаторе (X) стирается второе вхождение *-pag-* и глагол выглядит (с учетом морфонологических преобразований) как *magpaakyat*, при топике-агенсе (т.е. каузируемом Y) стирается первый «экземпляр» *-pag-* и получается словоформа *paraakyatin*; при топилизации же объекта (Z) в словоформе, несмотря на семантику каузатива от переходного глагола, вообще не остается ни одной каузативной морфемы: *ipaakyat*. Трэвис связывает это интересное явление с запретом на двойное выражение морфосинтаксических признаков, предложенном на другом материале в работе [Sportiche 1996]. Остается неясным, однако, как в рамках такого подхода убедительно объяснить, почему морфологические явления, подобные описанным в данной статье, являются скорее типологически своеобразными чертами некоторых

австронезийских языков, но не происходят в других языках с морфологическим каузативом.

К. Смит (C. Smith)²² в статье «Event structure and morphosyntax in Navajo» («Структура события и морфосинтаксис в навахо») демонстрирует, как различные компоненты аспектуальной информации разных уровней (как «внутрисобытийного», так и «внешнего» по отношению к семантическому типу предиката, см. [Smith 1997/1991; Смит 1998]) реализуются в глагольной морфологии атабаскского языка навахо (подробней о видо-временной системе навахо см. [Smith 1996], а о структуре атабаскского глагола – [Rice 2000]). В отличие от многих других авторов данного тома, Смит исходит из теории, предполагающей, что у глагола имеется богатая лексическая семантика, содержащая различные компоненты, на которые могут оказывать воздействие те или иные операторы, в частности, аспектуальные. Смит выделяет несколько типов аспектуальных операторов в навахо (выражающие видовые ракурсы (aspectual viewpoint): перфектив, имперфектив и прогрессив; обозначающие множественность ситуаций: хабитуалис и итератив; «суб-аспектуальные» операторы, модифицирующие значение глагольной основы; они, как правило, также относятся к области глагольной множественности: реверсив, репетитив, сериатив, континуатив, инцептив, терминатив) и показывает, что они имеют различную сферу действия относительно друг друга и глагольного корня, причем эта сфера действия, как правило, не зависит от их взаиморасположения в словоформе.

Статья А. Гольдберг (A. Goldberg) «Constructions, lexical semantics, and the Correspondence principle: Accounting for generalizations and subregularities in the realization of arguments» («Конструкции, лексическая семантика и Принцип соответствия: объяснение обобщений и частных правил, касающихся реализации аргументов») спорит с выдвинутым в ряде работ по формальному синтаксису и формальной теории лексикона Принципом реализации аргументов (Argument realization principle, см. [Levin, Rappaport Hovav 1998]). Этот принцип гласит, что любое подсобытие, обозначаемое глаголом (точнее, событийным шаблоном (event template), в который встраивается глагол со своими аргументами), – должно быть реализовано одним аргументом в синтаксисе, а единственный случай, когда допускается отсутствие такой реализации, связан с Условием восстановимости (Recoverability condition): отсутствующий аргумент должен однозначно вычисляться из контекста. Этот принцип предсказывает, в частности, запрет на опущение прямых объектов глаголов изменения состояния, ср. **The owl killed* 'сова убила'. Гольдберг приводит целый ряд данных, которые, по ее мнению, противоречат Принципу реализации аргументов, и постулирует для английского языка две специальные конструкции, допускающие такое опущение при определенных семантико-прагматических условиях: конструкция с имплицитной темой (implicit theme construction), например, *John contributed to the Leukemia Foundation* 'Джон пожертвовал в Фонд борьбы с лейкемией', и конструкция с депрофилированным объектом (deprofiled object construction), например, *Owls only kill at night* 'совы убивают только по ночам'. Эти конструкции характеризуются определенной семантикой (в частности, для последней характерно значение узуальности), прагматикой (значимость опущенного объекта в дискурсе невысока) и ограничениями на лексические классы глаголов. Не споря с автором относительно описания материала английского языка, укажу, однако, что, по-моему, примеры из русского языка, которые она приводит в качестве контрпримеров к Принципу реализации аргументов, «бьют» мимо цели: действительно, в предложении *Нет, не купил*, служащем ответом на вопрос *Иван купил газету?* опущены оба аргумента, однако каждый из них может быть однозначно восстановлен. То, что в русском языке, в отличие от английского, широко употребляется нулевая анафора по отноше-

²² Выдающийся лингвист, специалист по языку навахо и автор чрезвычайно авторитетной аспектологической концепции, Карлота Смит скончалась 24 мая 2007 г.

нию к активированным и высокотопикальным участникам дискурса, несколько не свидетельствует о том, что в русском языке нарушается Принцип реализации аргументов.

Статья А. Митвох (A. Mittwoch) «Unspecified arguments in episodic and habitual sentences» («Неспецифицированные аргументы в эпизодических и хабитуальных предложениях») посвящена, фактически, той же проблематике, что и статья А. Гольдберг, однако, по моему мнению, трактует его более убедительно. Митвох рассматривает случаи опущения прямого дополнения в английском языке и выделяет различные факторы, которые делают это опущение возможным. Во-первых, это лексическая семантика глагола: глаголы, в значение которых входит ярко выраженный компонент способа действия и обладающие весьма строгими сочетаемостными ограничениями, допускают опущение. Это глаголы «изучения» (*read* 'читать', *revise* 'повторять изученное'), «исполнения» (*act* 'играть (пьесу)', *sing* 'петь'), «создания» (*write* 'писать', *bake* 'печь'), «поглощения» (*drink* 'пить', *smoke* 'курить'), «обработки» (*plough* 'пахать', *wash* 'стирать') и др. Во-вторых, это более «широкая» семантика: предложения, содержащие предикат с опущенным объектом, обычно акцентируют деятельность агенса, подобно типичным непереходным глаголам деятельности типа *work* 'работать'. Митвох рассматривает также более специфические типы контекстов, в которых эпизодические употребления определенных лексем могут допускать опущение объекта. Наконец, опущение объекта существенно упрощается в хабитуальных контекстах разного рода: капацитивных, обозначающих способность субъекта совершить действие (*Fido bites* 'Фидо кусается'), в обозначении профессиональной деятельности (*She conducts* 'она дирижирует') и т.п. Анализируя конструкции, где опущено прямое дополнение с самым общим значением – *people* 'людей', как в *John is always ready to please (people)* ('Джон всегда готов быть приятным') и *things* 'вещи' (*I usually buy (things) in that shop* 'Я обычно покупаю в этом магазине'), Митвох обращает внимание на то, что, в отличие от нулевого объекта, даже десемантизированное и безударное *things* способно вводить в дискурс референта, ср. *He often buys things here and sells them there* 'Он часто покупает что-нибудь здесь и продает это там' при невозможности **He often buys here and sells them there*. Помимо собственно хабитуальности, опущению объекта может способствовать описание данной ситуации в ряду других (*They murdered, raped, and plundered* 'Они убивали, насиловали и грабили') или повышенная интенсивность ситуации. Наконец, когда предикат находится в фокусе контраста, опущение объекта также возможно: *He only breaks, he never fixes* 'Он только ломает, никогда не чинит'. Митвох заключает, что для допустимости опущения объекта значительную роль играют контекстные и дискурсивные факторы (в частности, Митвох выдвигает интересную гипотезу, что опущение объекта может в ряде случаев служить своеобразным формальным средством сфокусировать внимание слушающего на предикате), которые очень аккуратно и убедительно выделены в ее статье.

С. Уэхслер (S. Wechsler) в статье «Resultatives under the 'event-argument homomorphism' model of telicity» («Результативные конструкции в мереологической модели предельности») предлагает чисто семантический подход к ограничениям на результативные конструкции в английском языке. В обширной литературе, посвященной результативным конструкциям (см. [Levin, Rappaport Hovav 1995] и библиографию в этой книге), постулируется следующее синтаксическое ограничение на их образование: вторичный предикат, выраженный прилагательным, может относиться только к (глубинному) прямому дополнению. Тем самым, результативы образуются от переходных и неаккузативных глаголов, но не от неэргативных глаголов (ср. **The dog barked hoarse* 'собака долаялась до хрипоты'); от последних результативные конструкции делаются возможными лишь про появлении в позиции прямого дополнения «мнимого рефлексива» (*fake reflexive*), ср. *The dog barked itself hoarse*. Уэхслер отвергает основополагающую роль данного синтаксического ограничения, считая его производным от семантического правила, связанного с предельностью результативных конструкций. В фокусе внимания автора оказываются не глаголы, фигурирующие в

результативных конструкциях, а прилагательные, способные выступать в функции вторичного предиката. Уэхслер принимает за основу семантическую типологию прилагательных, предложенную в работе [Kennedy 1999], которая делит прилагательные на градуируемые (*long* 'длинный', *full* 'полный' и т.п.) и неградуируемые (*dead* 'мертвый', *triangular* 'треугольный'), а градуируемые в свою очередь подразделяет на имеющие открытую шкалу с контекстно задаваемым «стандартом сравнения» (*long* 'длинный', *wide* 'широкий') и имеющие закрытую шкалу с ингерентным пределом (*empty* 'пустой', *dry* 'сухой'). Последние, однако, также подразделяются на два существенно различных класса: прилагательные с ингерентным минимальным пределом (*dirty* 'грязный') и прилагательные с ингерентным максимальным пределом (*straight* 'прямой'). Оказывается, что во многих отношениях прилагательные с ингерентным минимальным пределом ведут себя подобно прилагательным с открытой шкалой, что связано с тем, что минимальный предел в большинстве случаев прагматически незначим.

Отталкиваясь от мереологической теории предельности, предложенной в уже упоминавшихся работах М. Крифки, Уэхслер предсказывает следующие модели сочетаемости глаголов и прилагательных в результативных конструкциях: (i) если глагол обозначает длительный процесс, то прилагательное должно иметь максимальный ингерентный предел (ср. *Mary hammered the metal flat* = 'Мери стучала по металлу молотком, и в результате тот стал плоским'); (ii) если глагол моментальный, то прилагательное должно быть неградуируемым (ср. *He shot the miller dead* 'Он застрелил мельника насмерть'). Эти сочетаемостные ограничения связаны с тем, что результативная конструкция должна обозначать переход некоторого объекта в состояние, обозначаемое прилагательным. Длительные предельные ситуации предполагают длительное, но не безграничное изменение состояния; моментальные ситуации – мгновенный переход в новое состояние, не допускающее промежуточных стадий. Эти семантические ограничения объясняют недопустимость в результативных конструкциях целых классов прилагательных (а именно, прилагательных с открытой шкалой и с минимальным ингерентным пределом; так, в результативных конструкциях, как показало проведенное Уэхслером корпусное исследование, вообще не употребляются такие прилагательные, как *famous* 'знаменитый', *sleepy* 'сонный', *dirty* 'грязный'), равно как и предпочтительную (но не обязательную, ср. изящный пример *The wise men followed the star out of Bethlehem* 'Волхвы, следуя за звездой, покинули Вифлеем', где результативный предикат явным образом относится к подлежащему переходного глагола) связь результатов с прямым объектом: именно прямые объекты обычно являются теми участниками ситуации, которые претерпевают изменение состояния.

Б. Левин (B. Levin) и М. Раппапорт Ховав (M. Rapoport Hovav) в статье «Change of state verbs: Implications for theories of argument projection» («Глаголы изменения состояния: выводы для теорий реализации аргументов») спорят с конструкционистским подходом к семантико-синтаксическому интерфейсу, и в частности, с тем, что синтаксическая реализация аргументов всецело определяется рядом аспектуальных характеристик, в первую очередь предельностью. Авторы, придерживающиеся проекционистской концепции автономного лексикона, если не всецело предопределяющего, то в существенной степени ограничивающего синтаксические потенции глаголов, рассматривают глаголы изменения состояния в английском языке и демонстрируют, что те, обладая в большой степени единообразными и жесткими характеристиками аргументной структуры, демонстрируют весьма неоднородные аспектуальные свойства (в частности, среди них есть строго предельные глаголы *break* 'разбить, сломать', *dry* 'высохнуть; высушить', *freeze* 'замерзнуть', и глаголы, допускающие как предельное, так и непредельное прочтения, – *cool* 'охлаждать(ся)', *darken* 'темнеть'). В небольшой статье авторам удается вполне убедительно продемонстрировать, что свойства, традиционно воспринимаемые как конституирующие сочетаемость глаголов, не могут полностью предсказать поведение целого класса лексем английского языка (так, в частности, наличие у предиката «инкрементальной темы» не предопределяет

однозначно доступных для него синтаксических конструкций). Тем самым, авторы – одни из наиболее авторитетных специалистов в области лексической семантики и ее связи с синтаксисом – в очередной раз (см. не раз цитировавшиеся в данной рецензии работы) показывают, что свести роль лексикона к минимуму, переложив основную «нагрузку» на синтаксис и аспектуальные свойства, невозможно.

В целом сборник производит очень благоприятное впечатление; общий уровень статей, за редкими исключениями, очень высок, и то же можно сказать и о композиции книги. Редакторы сумели собрать под одной обложкой исследования, написанные в рамках разных (порой явным образом противоречащих друг другу) теоретических направлений, анализирующих значительный и разнородный материал типологически различающихся языков (английского, французского, хинди, иврита, малагасийского, тагальского, навахо). Наблюдения и выводы, сделанные авторами большинства статей, в принципе, не зависят от конкретной формальной концепции и должны быть приняты во внимание в любом современном исследовании взаимодействия лексической семантики, грамматических категорий и синтаксической структуры.

* * *

Заклячая данный обзор, считаю необходимым сказать, что серия монографий и сборников «Oxford studies in theoretical linguistics» («Оксфордские исследования по теоретической лингвистике») за недолгое время своего существования зарекомендовала себя наилучшим образом, и российскому читателю, заинтересованному в новейших течениях западной лингвистики, можно порекомендовать внимательно следить за ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1967 – Ю.Д. *Апресян*. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 2006 – Ю.Д. *Апресян*. Основания системной лексикографии // Ю.Д. *Апресян* (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Борик 1995 – О. *Борик*. Синтаксический признак неаккузативности глагола (на материале русского языка). Дипломная работа. Филологический факультет МГУ, ОТиПЛ, 1995.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. *Булыгина*, А.Д. *Шмелев*. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Кибрик (ред.) 1982 – А.Е. *Кибрик* (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.
- Кибрик 1992 – А.Е. *Кибрик*. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кибрик 2003 – А.Е. *Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик и др. (ред.) 2002 – А.А. *Кибрик*, И.М. *Кобозева*, И.А. *Секерина* (ред.). Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления. М., 2002.
- Кузнецова 2005 – Ю.Л. *Кузнецова*. Дистрибутивная конструкция с предлогом *no* в русском языке // Н.Д. *Арутюнова* (ред.). Логический анализ языка. Квантификативный анализ языка. М., 2005.
- Кустова 2004 – Г.И. *Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Лютикова и др. 2006 – Е.А. *Лютикова*, С.Г. *Татевосов*, М.Ю. *Иванов*, А.Г. *Пазельская*, А.Б. *Шлуинский*. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006.
- Мельчук, Холодович 1970 – И.А. *Мельчук*, А.А. *Холодович*. К теории грамматического залога (Определение. Исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4.
- Минор 2005 – С.А. *Минор*. Рец.: К. Hale, S.J. Keyser. Prolegomenon to a theory of argument structure // ВЯ. 2005. № 5.
- Падучева 1974 – Е.В. *Падучева*. О семантике синтаксиса. М., 1974.

- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004а – *Е.В. Падучева*. Накопитель эффекта и русская аспектология // ВЯ. 2004. № 5.
- Падучева 2004б – *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Петрухина 2000 – *Е.В. Петрухина*. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарскими языками. М., 2000.
- Розина 1995 – *Р.И. Розина*. Объект, средство и цель в семантике глаголов полного охвата // ВЯ. 1995. № 5.
- Сибатани 1999 – *М. Сибатани*. Переходность и залог в свете фактов японского языка // Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.). Типология и теория языка. От описания к объяснению: К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.
- Смит 1998 – *К. Смит*. Двухкомпонентная теория вида // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Схорлеммер 1998 – *М. Схорлеммер*. Парный глагол как глагол с лексически нефиксированным видом // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Татевосов 2005а – *С.Г. Татевосов*. Акциональность: типология и теория // ВЯ. 2005. № 1.
- Татевосов 2005б – *С.Г. Татевосов*. Рец.: Events as grammatical objects. The converging perspectives of lexical semantics and syntax // ВЯ. 2005. № 3.
- Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Филлмор 1981/1968 – *Ч. Филлмор*. Дело о падеже // В.А. Звегинцев (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. (*Ch. Fillmore*. The case for case // E. Bach, R.T. Harms (eds.). Universals in linguistic theory. New York, 1968.)
- Филлмор 1981/1977 – *Ч. Филлмор*. Дело о падеже открывается вновь // В.А. Звегинцев (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. (*Ch. Fillmore*. The case for case reopened // P. Cole, J.M. Sadock (eds.). Syntax and semantics. V. 8. Grammatical Relations. New York, 1977.)
- Холодович (ред.) 1969 – *А.А. Холодович* (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
- Холодович (ред.) 1974 – *А.А. Холодович* (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л., 1974.
- Хомский 1972/1965 – *Н. Хомский*. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972. (*N. Chomsky*. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1965.)
- Ackerman, Moore 2001 – *F. Ackerman, J. Moore*. Proto-properties and grammatical encoding. A correspondence theory of argument selection. Stanford (CA), 2001.
- Alsina et al. (eds.) 1997 – *A. Alsina, J. Bresnan, P. Sells* (eds.). Complex predicates. Stanford (CA), 1997.
- Babby 1980 – *L. Babby*. Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor, 1980.
- Babyonyshev 1996 – *M. Babyonyshev*. Structural connections in syntax and processing: Studies in Russian and Japanese. Doctoral dissertation, MIT. 1996.
- Bittner, Hale 1996 – *M. Bittner, K.L. Hale*. Ergativity: Towards a theory of a heterogeneous class // Linguistic inquiry. V. 27. 1996.
- Borer 1994 – *H. Borer*. The projection of arguments // E. Benedicto, J. Runner (eds.). Functional projections. Amherst (MA), 1994.
- Borer 1998 – *H. Borer*. Deriving passives without theta-grids // S. Lapointe, D. Brentari, P. Farrell (eds.). Morphology and its relations to phonology and syntax. Stanford (CA), 1998.
- Borer 2005 – *H. Borer*. Structuring sense. V. I–II. Oxford, 2005.
- Burzio 1986 – *L. Burzio*. Italian syntax. A government and binding approach. Dordrecht, 1986.
- Butt, Geuder 1998 – *M. Butt, W. Geuder* (eds.). The projection of arguments. Lexical and compositional factors. Stanford (CA), 1998.
- Chomsky 1981 – *N. Chomsky*. Lectures on government and binding. The Pisa lectures. Dordrecht, 1981.
- Chomsky 1995 – *N. Chomsky*. The minimalist program. Cambridge (Mass.), 1995.
- Chomsky 2001 – *N. Chomsky*. Derivation by phase // M. Kenstowicz (ed.). Ken Hale: Life in language. Cambridge (Mass.), 2001.
- Croft 1991 – *W.C. Croft*. Syntactic categories and grammatical relations. The cognitive organization of information. Chicago; London, 1991.
- Croft 1998 – *W.C. Croft*. Event structure in argument linking // M. Butt, W. Geuder (eds.). The projection of arguments. Lexical and compositional factors. Stanford (CA), 1998.
- Davies 1985 – *W.D. Davies*. Choctaw verb agreement and universal grammar. Dordrecht, 1985.

- Donohue, Wichman 2008 – *M. Donohue, S. Wichman* (eds.). The typology of semantic alignment systems. Oxford, 2008.
- Dowty 1979 – *D.R. Dowty*. Word meaning and Montague grammar. Dordrecht, 1979.
- Dowty 1991 – *D.R. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. V. 67. 1991. № 3.
- Durie 1987 – *M. Durie*. Grammatical relations in Achehnese // *Studies in language*. V. 11. 1987. № 2.
- Embick 1998 – *D. Embick*. Voice systems and the syntax-morphology interface // *MIT Working papers in linguistics*. V. 32. 1998.
- Fagan 1992 – *S. Fagan*. The syntax and semantics of the middle construction. Cambridge, 1992.
- Filip 1999 – *H. Filip*. Aspect, eventuality types, and noun phrase semantics. New York, 1999.
- Foley 2005 – *W.A. Foley*. Semantic parameters and the unaccusative split in the Austronesian language family // *Studies in language*. V. 29. 2005. № 2.
- Foley, Van Valin 1984 – *W.A. Foley, R.D. Van Valin, Jr.* Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.
- Gleitman 1990 – *L. Gleitman*. The structural sources of verb meanings // *Language Acquisition*. V. 1. 1990.
- Goldberg 1995 – *A. Goldberg*. Constructions. A construction grammar approach to argument structure. Chicago; London, 1995.
- Goldberg 2006 – *A. Goldberg*. Constructions at work. The nature of generalization in language. Oxford, 2006.
- Grewendorf 1989 – *G. Grewendorf*. Ergativity in German. Dordrecht, 1989.
- Grimshaw 1987 – *J. Grimshaw*. Unaccusatives – an overview // *Proceedings of the 17th Meeting of the North-eastern linguistic society*. Amherst (Mass.), 1987.
- Grimshaw 1990 – *J. Grimshaw*. Argument structure. Cambridge (Mass.), 1990.
- Grimshaw, Pinker 1990 – *J. Grimshaw, S. Pinker*. Using syntax to deduce word meanings. Paper at the 15th Annual Boston university conference on language development. November, 1990.
- Gruber 1976 – *J. Gruber*. Lexical structures in syntax and semantics. New York; Amsterdam, 1976.
- Hale, Keyser 1993 – *K.L. Hale, S.J. Keyser*. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations // *K.L. Hale, S.J. Keyser* (eds.). The view from building 20. Essays in linguistics in honor of Sylvian Bromberger. Cambridge (Mass.), 1993.
- Hale, Keyser 2002 – *K.L. Hale, S.J. Keyser*. Prolegomena to a theory of argument structure. Cambridge (Mass.), 2002.
- Halle, Marantz 1993 – *M. Halle, A. Marantz*. Distributed morphology and the pieces of inflection // *K.L. Hale, S.J. Keyser* (eds.). The view from building 20. Essays in linguistics in honor of Sylvian Bromberger. Cambridge (Mass.), 1993.
- Harley, Noyer 1999 – *H. Harley, R. Noyer*. State-of-the-article: Distributed morphology // *GLOT International*. V. 4. 1999. № 4.
- Harris 1981 – *A.C. Harris*. Georgian syntax. A study in relational grammar. Cambridge, 1981.
- Harves 2002 – *S. Harves*. Unaccusative syntax in Russian. Doctoral dissertation. Princeton University, 2002.
- Haspelmath 1990 – *M. Haspelmath*. The grammaticalization of passive morphology // *Studies in language*. V. 14. 1990. № 1.
- Hopper, Thompson 1980 – *P.J. Hopper, S.A. Thompson*. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. V. 56. 1980. № 2.
- Horn 1980 – *L.R. Horn*. Affixation and the unaccusativity hypothesis // *Proceedings of the 16th Regional Meeting of the Chicago linguistic society*. Chicago, 1980.
- Jackendoff 1976 – *R. Jackendoff*. Toward an explanatory semantic representation // *Linguistic inquiry*. V. 7. 1976. № 1.
- Jackendoff 1983 – *R. Jackendoff*. Semantics and cognition. Cambridge (Mass.), 1983.
- Jackendoff 1990 – *R. Jackendoff*. Semantic structures. Cambridge (Mass.), 1990.
- Jackendoff 1996 – *R. Jackendoff*. The proper treatment of measuring out, telicity, and perhaps even quantification in English // *Natural language and linguistic theory*. V. 14. 1996. № 2.
- Keller, Sorace 2002 – *F. Keller, A. Sorace*. Gradient auxiliary selection in German: An experimental investigation // *Journal of linguistics*. V. 39. 2002. № 1.
- Kennedy 1999 – *C. Kennedy*. Projecting the adjective: The syntax and semantics of gradability and comparison. New York, 1999.
- Kratzer 1995 – *A. Kratzer*. Stage-level and individual-level predicates // *G.N. Carlson, F.J. Pelletier* (eds.). The Generic book. Chicago; London, 1995.
- Kratzer 1996 – *A. Kratzer*. Severing the external argument from its verb // *J. Rooryck, L. Zaring* (eds.). Phrase structure and the lexicon. Dordrecht, 1996.

- Krifka 1989 – *M. Krifka*. Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen. München, 1989.
- Krifka 1992 – *M. Krifka*. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // I. Sag, A. Szabolsci (eds.). *Lexical matters*. Stanford (CA), 1992.
- Kuznetsova 2004 – *J. Kuznetsova*. Against the Russian distributive construction with preposition *po* as a diagnostic for unaccusativity // M. Tasseva-Kurktchieva, S. Franks, F. Gladney (eds.). *Formal approaches to Slavic linguistics* 13. Ann Arbor, 2004.
- Lakoff 1968 – *G. Lakoff*. Some verbs of change and causation // S. Kuno (ed.). *Mathematical linguistics and automatic translation*. Cambridge (Mass.), 1968.
- Lazard 1994 – *G. Lazard*. *L'actance*. Paris, 1994.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Unaccusativity. At the syntax – lexical semantics interface. Cambridge (Mass.), 1995.
- Levin, Rappaport Hovav 1998 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Building verb meanings // M. Butt, W. Geuder (eds.). *The projection of arguments. Lexical and compositional factors*. Stanford (CA), 1998.
- Levin, Rappaport Hovav 2000 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Classifying single argument verbs // P. Coopmans, M. Everaert, J. Grimshaw (eds.). *Lexical specification and insertion*. Amsterdam; Philadelphia, 2000.
- Levin, Rappaport Hovav 2005 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. *Argument realization*. Cambridge, 2005.
- Lieber, Baayen 1997 – *R. Lieber, H. Baayen*. A semantic principle of auxiliary selection in Dutch // *Natural language and linguistic theory*. V. 15. 1997. № 4.
- Marantz 1984 – *A. Marantz*. On the nature of grammatical relations. Cambridge (Mass.), 1984.
- McCawley 1971 – *J.D. McCawley*. Prelexical syntax // Report of the 22nd annual roundtable meeting on linguistics and language studies. Washington, 1971.
- Merlan 1985 – *F. Merlan*. Split intransitivity: Functional oppositions in intransitive inflection // J. Nichols, A. Woodbury (eds.). *Grammar inside and outside the clause. Approaches to theory from the field*. Cambridge, 1985.
- Mithun 1991 – *M. Mithun*. Active/agentive case marking and its motivations // *Language*. V. 67. 1991. № 3.
- Özkaragöz 1980 – *I. Özkaragöz*. Evidence from Turkish for the unaccusative hypothesis // Proceedings of the 6th Annual meeting of the Berkeley linguistics society. Berkeley (CA), 1980.
- Perlmutter 1978 – *D.M. Perlmutter*. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // Proceedings of the 4th Annual meeting of the Berkeley linguistics society. Berkeley (CA), 1978.
- Pesetsky 1982 – *D. Pesetsky*. Paths and categories. Doctoral dissertation, MIT. 1982.
- Pesetsky 1995 – *D. Pesetsky*. *Zero syntax. Experiencers and cascades*. Cambridge (Mass.), 1995.
- Pustejovsky 1991 – *J. Pustejovsky*. The syntax of event-structure // *Cognition*. V. 41. 1991.
- Ramchand 2003 – *G. Ramchand*. First phase syntax. Ms., 2003.
- Reinhart 1983 – *T. Reinhart*. *Anaphora and semantic interpretation*. London, 1983.
- Reinhart, Reuland 1993 – *T. Reinhart, E. Reuland*. Reflexivity // *Linguistic inquiry*. V. 24. 1993. № 4.
- Rice 2000 – *K. Rice*. Morpheme order and semantic scope. Word formation in the Athapaskan verb. Cambridge, 2000.
- Rosen 1984 – *C.G. Rosen*. The interface between semantic roles and initial grammatical relations // D.M. Perlmutter, C.G. Rosen (eds.). *Studies in relational grammar 2*. Chicago; London, 1984.
- Ross 1972 – *J.R. Ross*. Act // D. Davidson, G. Harman (eds.). *Semantics of natural language*. Dordrecht, 1972.
- Rothstein (ed.) 1998 – *S. Rothstein* (ed.). *Events and grammar*. Dordrecht, 1998.
- Rothstein 2004 – *S. Rothstein*. *Structuring events: A study in the semantics of lexical aspect*. Oxford, 2004.
- Smith 1996 – *C. Smith*. Aspectual categories in Navajo // *International journal of American linguistics*. V. 62. 1996.
- Smith 1997/1991 – *C. Smith*. The parameter of aspect. Dordrecht, 1997. (1st ed. 1991)
- Sorace 1995 – *A. Sorace*. Acquiring argument structure in a second language: The unaccusative/unergative distinction // L. Eubank, L. Selinker, M. Sharwood-Smith (eds.). *The current state of interlanguage*. Amsterdam, 1995.
- Sorace 2000 – *A. Sorace*. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs // *Language*. V. 76. 2000. № 4.
- Sorace, Shomura 2001 – *A. Sorace, Y. Shomura*. Lexical constraints on the acquisition of split intransitivity: Evidence from L2 Japanese // *Studies in second language acquisition*. V. 23. 2001. № 2.

- Sportiche 1996 – *D. Sportiche*. Clitic constructions // J. Rooryck, L. Zaring (eds.). *Phrase structure and the lexicon*. Dordrecht, 1996.
- Sportiche 1998 – *D. Sportiche*. Partitions and atoms of clause structure: Subjects, agreement, case, and clitics. London, 1998.
- Stassen 1997 – *L. Stassen*. *Intransitive predication*. Oxford, 1997.
- Talmy 1985 – *L. Talmy*. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical form // T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. V. 1–3. Cambridge, 1985.
- Tenny 1994 – *C. Tenny*. Aspectual roles and the syntax-semantics interface. Dordrecht, 1994.
- Tenny, Pustejovsky (eds.) 2000 – *C. Tenny, J. Pustejovsky* (eds.). *Events as grammatical objects*. Stanford (CA), 2000.
- Travis 2000 – *L. Travis*. Event structure in syntax // C. Tenny, J. Pustejovsky (eds.). *Events as grammatical objects*. Stanford (CA), 2000.
- Tsujimura 1991 – *N. Tsujimura*. On the semantic properties of unaccusativity // *Journal of Japanese linguistics*. V. 13. 1991.
- Tsunoda 1981 – *T. Tsunoda*. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood // *Linguistics*. V. 19. 1981. № 5/6.
- van Hout 1998 – *A. van Hout*. *Event semantics of verb frame alternations: A case study of Dutch and its acquisition*. New York, 1998.
- Van Valin 1990 – *R.D. Van Valin, Jr.* Semantic parameters of split intransitivity // *Language*. V. 66. 1990. № 2.
- Van Valin 2005 – *R.D. Van Valin, Jr.* *Exploring the syntax-semantics interface*. Cambridge, 2005.
- Van Valin, La Polla 1997 – *R.D. Van Valin, Jr., R. La Polla*. *Syntax: Structure, meaning, and function*. Cambridge, 1997.
- Verkuyl et al. (eds.) 2005 – *H. Verkuyl, H. de Swart, A. van Hout* (eds.). *Perspectives on aspect*. Dordrecht, 2005.
- Williamson 1979 – *J.S. Williamson*. Patient marking in Lakotha and the unaccusative hypothesis // *Proceedings of the 15th Regional meeting of the Chicago linguistic society, General Session*. Chicago, 1979.
- Zaenen 1993 – *A. Zaenen*. Unaccusativity in Dutch: Integrating syntax and lexical semantics // J. Pustejovsky (ed.). *Semantics and the lexicon*. Dordrecht, 1993.